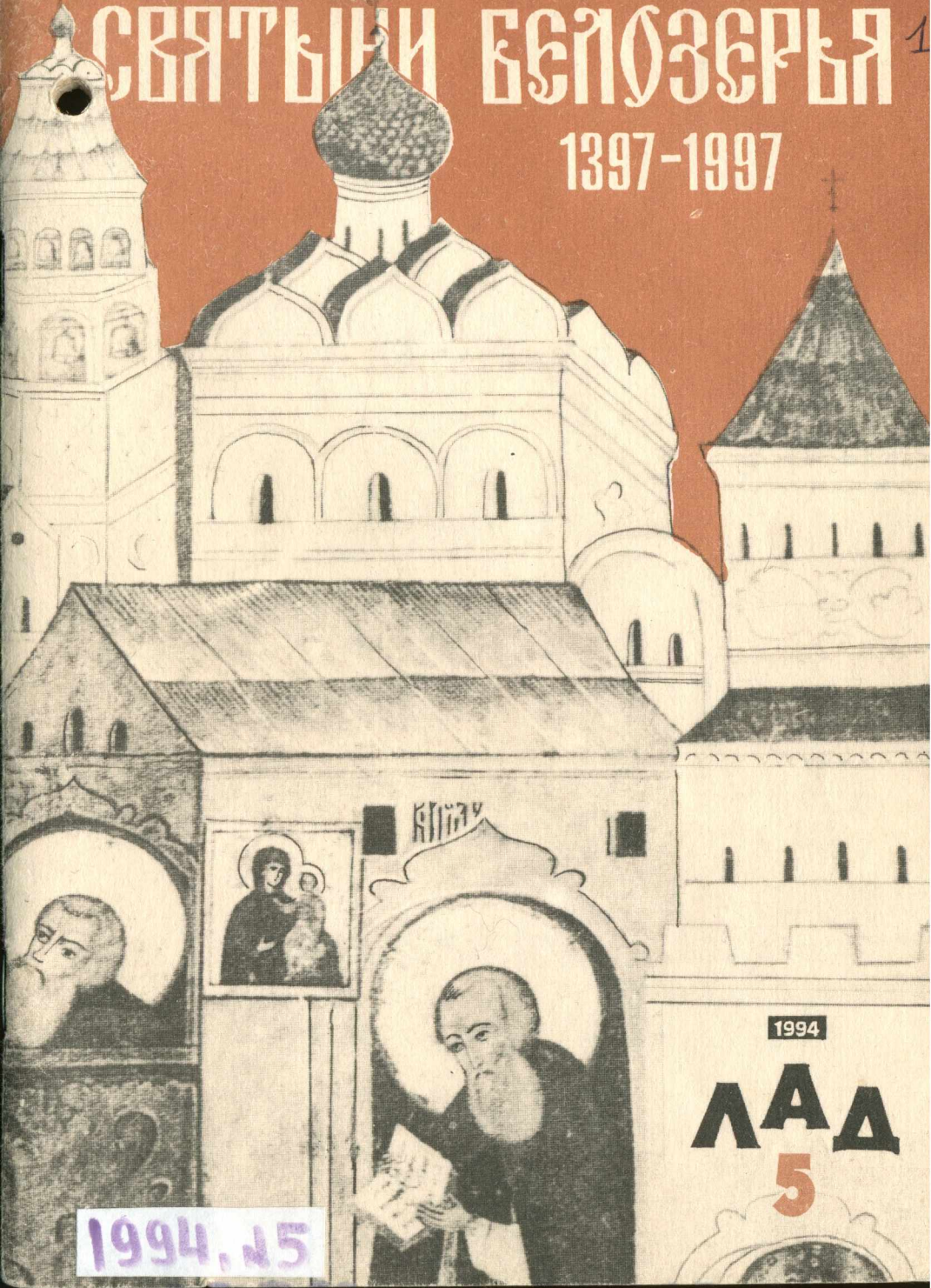

СВЯТЫНИ БЕЛОЗЕРЬЯ

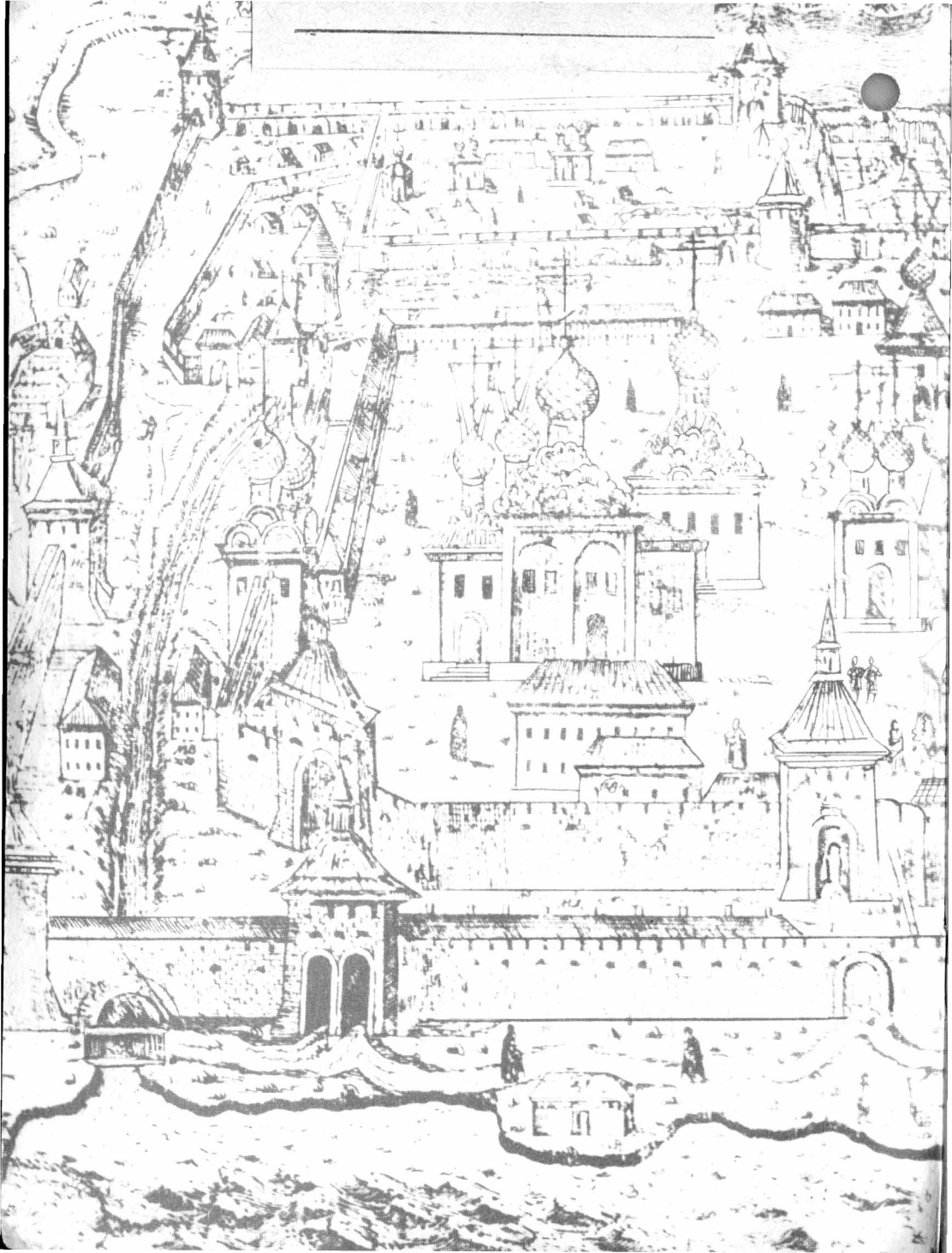
1397-1997

1994

ЛАД
5

1994, №5

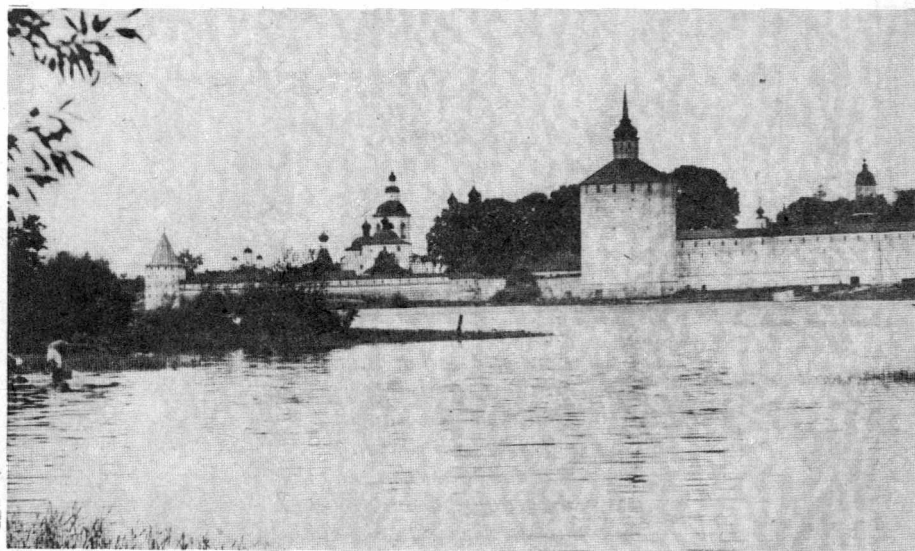

Преславный
отец наш Кирилл,
утешение всех
скорбящих
душой,
даже восхваляя тебя
и радостные песни и псалмы от души принося тебе,
ничего мы, иноков множество, не совершаем достойного
милости и чудес твоих.
Это наше нынешнее малое
приношение прими
и из геены похить,
ангелов ревнитель,
односельчанин преподобных,
с каковыми и молись Господу
о помиловании
наших душ.

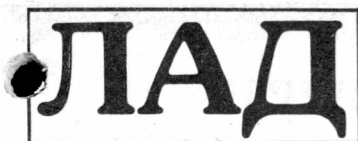
Стихиры «Преподобному Кириллу» (XV в.). Перевод Г. М. Прохорова

НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ 600-ЛЕТИЮ
КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Подготовлен совместно с управлением культуры администрации области
и Кирилло-Белозерским музеем-заповедником

МАЙ 1994 г.
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

- Красота молитве не помеха.** Беседа с епископом Вологодским и Велико-
устужским Максимилианом 4
И музей живет!.. Беседа с директором Кирилло-Белозерского историко-
архитектурного художественного музея-заповедника Г. О. Ивановой 42

ПАМЯТНИКИ СЛОВЕСНОСТИ

- Житие преподобного отца нашего Кирилла, Белозерского чудотворца.**
Составитель архимандрит Иаков 11, 34
**Сказание о древнем Ферапонтове Богородице-Рождественском монас-
тыре, бывшем в упразднении более 100 лет, ныне в 1904 г. вновь
восстановленном.** Составитель игуменья Таисия 49

- Краткая летопись монастыря** 33

ПОДВИЖНИКИ

- А. Смирнова. Пастырь милостию Божией** 36
Г. Иванова. Собиратель древностей 39
М. Шаромазов. Игуменья Таисия и Ферапонтов монастырь 56
Духовные стихи игуменья Таисии 61
И. Смирнов. Трубит ангел 41

Обложка художника Сергея Иевлева

(в оформлении использованы репродукции иконы «Явление Богородицы Кириллу
в Симонове монастыре» и гравюры «Кирилло-Белозерский монастырь», 1720 г.)

Редактор А. К. Сальников

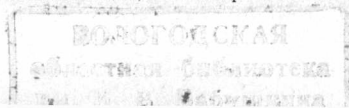
Учредители — управление образования администрации Вологодской области
и ТОО редакция газеты «Красный Север».

Журнал зарегистрирован Мининформпечати РФ как региональное издание,
свидетельство о регистрации № 0110462 от 23 марта 1993 г.

Сдано в набор 28.04.94. Подписано в печать 11.05.94. Формат 60×84/16. Печать
офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 8700 экз. Цена
свободная. Индекс издания 73666. Заказ 1009.

ПФ «Полиграфист», 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3. Телефоны: 2-53-21, 2-20-95, 2-02-72.

КРАСОТА МОЛИТВЕ НЕ ПОМЕХА

Беседа с епископом Вологодским
и Великоустюжским Максимилианом

— Владыко, номер, в котором будет помещена наша беседа, — особенный: он весь посвящен святыням Белозерья, Кирилло-Белозерскому и Ферапонтову монастырям. Но прежде, чем повести речь об этих обителях, хотелось бы поразмышлять, случайно ли то, что и эти монастыри, и многие другие — именно у нас, на Севере, оказались?

— Север вообще очень интересен во многих отношениях, особенно — духовным состоянием здешнего народа. Не случайно, что именно здесь возросла и разрослась Северная Фиваида.

— Владыко, может быть, не все наши читатели знают смысл этого названия...

— Фиваида — пустынная местность в Египте недалеко от города Фивы, где совершали духовные подвиги многие святые отцы первых веков христианства. Именно там, в египетских пустынях, возрастали святые, побеждающие искушения силой молитвы и подвигов и обретающие благодать. Северный край также необычайно богат подвижниками, спасавшимися здесь — и спасавшими своими молитвами, может быть, и весь наш народ. Думаю, вовсе не случайно сопоставление Фиваиды египетской, где жили святые отцы первых веков христианства, и Русского Севера — Фиваиды Северной, где жили святые подвижники на Руси. Но если в Египте монашество, можно сказать, зарождалось, — то в севернорусских обителях оно возрождалось. Именно с Кириллова монастыря начинается возрождение монашества в этих краях.

— Возрождение? Выходит, монастыри здесь были еще до Кирилла?

— Нам известно, что первый мо-

нах, который пришел сюда, был преподобный Герасим...

— А ведь именно со времени появления Герасима — появления первого монаха — и ведет свою историю Вологда.

— Так вот, преподобный Герасим пришел сюда из Киево-Печерской Лавры, где подвизались преподобные Антоний и Феодосий — основатели монашества на Руси. Но потом оно как бы ослабло, и только спустя двести лет преподобный Сергей Радонежский начал его возрождение. И преподобный Кирилл, и преподобный Ферапонт — оба они были собеседниками преподобного Сергея, его учениками, они несли на Север почерпнутый от преподобного Сергея святоотеческий дух, благодаря которому и началось возрождение монашества и монастырей.

— На Севере были и другие ученики Сергея Радонежского...

— Да, здесь была целая плеяда учеников, которые разошлись по окрестным местам и основали монастыри. Сейчас, правда, упоминания о некоторых из них остались только на карте; некоторые монастыри даже и найти невозможно.

Ну, к примеру, Корнилие-Комельский. Что там был монастырь когда-то, можно определить только по апсиде в одном здании. По карте видно, что здесь где-то был, но...

А вот Арсения Комельского монастырь — там даже не осталось ни церкви, ни колокольни. Ничего. Только высокие деревья свидетельствуют, что здесь что-то было. И одно здание — чувствуется, еще дореволюционной кладки красного кирпича...

— А другие обители? Ведь было же их очень много...

— Большинство из них — в заб-

рошенном виде. Ну, к примеру, монастырь Сергия Нуромского, или Спас Каменный, Григория Пельшемского Лопотов монастырь...

— Так что же, владыко, все труды монахов, здешних святых — все разрушено, разломано?

— Труд монахов сосредоточен был в первую очередь на собственном самосовершенствовании через подвиги. Это было их главное дело, а строительство — это поделки, то есть подспорье главному. Поэтому, несмотря на то, что много монастырей разрушено, они все равно оказывают воздействие на духовную жизнь — через молитвы тех подвижников, которые были и жили здесь.

И поэтому северный край как-то больше сохранил древнеправославный уклад внутренней жизни. И внешней жизни — тоже во многом.

Как-то здесь больше... пахнет Русью, если можно так сказать.

— Это, владыко, Ваше мнение? Сейчас ведь многие говорят и пишут о том, что Север остался чуть не единственным местом, где кое-что от прежней России сохранилось. А сами Вы почувствовали это, или просто согласны со многими авторитетными людьми?

— Еще когда я первый раз сюда приезжал, будучи иеромонахом Троице-Сергиевой Лавры, то, пообщавшись с местными людьми, вспомнил пушкинские слова: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»

Простота такая, открытость, доброжелательность... В других местах я не видел такого открытого сердца к себе; оно не выражается внешне чем-то определенным, это какое-то внутреннее ощущение — сердце сердцу весть подает...

Здесь было именно так: радушие,

теплота — и искренность в отношениях. Когда в прошлом году приезжал к нам отец Матфей со своим хором из Троице-Сергиевой Лавры, он то же самое сказал.

Так что — это не только мое субъективное мнение. И я думаю, что этот русский дух сохранился благодаря тому, что здесь подвизались подвижники, что здесь были монастыри, и это — как бы наследие тех монастырей.

Это передается из поколения в поколение: в генах, или в рассказах, или еще в чем-то... Вот такое, мне кажется, влияние монастырей на Северный край.

И в этом, мне кажется, проявляется значение монастырей для государства, для народа. Я не беру духовную сторону, говорю только о внешней стороне этого влияния.

— А в чем еще, как Вам кажется, монастыри сыграли важную роль?

— Всем известно, что всякое искусство имеет церковные корни. Архитектуру возьмем. Первые каменные здания какие были? Храмы, а потом уже появились гражданские здания. Потом уже гражданское строительство стало влиять на архитектуру храмов.

Музыка — то же самое. Даже строй русских песен — он не так далек от церковного строя, он близок к нему.

Также и письменность. Мы все знаем, что грамоту нам принесли святые Кирилл и Мефодий, а что они нам принесли? Священное Писание. И потом уже стали появляться другие книги: богослужебные тексты, жития святых, затем апокрифы пошли, потом дальше, дальше, и развилась литература светская. То есть все пошло из церкви...

Монастыри, церкви — это очаги культуры; сейчас об этом все серьезные ученые говорят и пишут — академик Лихачев, в частности, другие исследователи. А когда эти очаги были разрушены, что произошло с нашей культурой? Сейчас мы собираем плоды этого разрушения.

— Поскольку корни культуры — в церкви, то, может быть, необходимо вернуться к ним, отбросив все нецерковное? Во всяком случае, некоторые считают, что читать надо только Священное Писание, богослужебные книги; живопись следует признавать только церковную, и музыке тоже... Вы не разделяете такую точку зрения?

— Я такого мнения разделить не могу, я вообще не сторонник крайних мнений.

Преподобный Исаак Сирин говорил: «Все красит мера». А крайности — вредны; все крайности от беса. Как бы подталкивая к добродетели, доводит его до крайностей и приводит человека к уродливому добру, которое уже становится источником зла.

Крайнее подвижничество — оно приводит человека к прелести, к расстройству здоровья, к унынию, отчаянию и подчас даже к горькой смерти, были и такие случаи.

Иногда приводит к тому, что человек бросает всякое христианство, подвижничество и уходит «на страну далеке».

Все красит мера...

Так же и здесь. Нельзя, я считаю, говорить: только церковное искусство имеет право на существование. Ведь церковное искусство — оно тоже имеет разные направления, мы не можем этого отрицать. Возьмем, к примеру, пение. Знаменный распев есть; есть трехгласие; есть столповое

пение, есть осьмогласие... Последним появилось уже партесное пение.

Где провести границу: это церковное, это — нецерковное? Довольно сложно.

Ну, так же как... граница между светом и тьмой — где она проходит? Всегда есть какое-то пограничное состояние — полутьма, полусвет... Так же и здесь.

— Получается, что искусство — любое хорошо?

— Надо смотреть, к чему это искусство ведет, к чему оно человека призывает — к добру или ко злу.

Конечно, искусство должно призывать человека к добру, к свету, к борьбе со злом. Ведь недаром основа слова «культура» — культ! И культ должен быть добрым.

Вещи, которые ведут человека к бездне греха и беззакония, которые развращают и губят его, — разве это можно назвать культурой? Это пропагандировать никак нельзя! Тем более, что губят такие вещи не только отдельного какого-то человека, а даже целый народ могут погубить.

— Говоря о греховном искусстве, губительном для души и духа, чаще всего начинают с музыки...

— Мы мало задумываемся над этим. В восточных религиях — говорится о воспитательном значении музыки очень серьезно. Я не знаю, как насчет воспитательного значения современной музыки, но развостпательное значение оно имеет колоссальное! Когда помотришь на эти дикие выкрики, эти дикие пляски, на игру света, дыма — не пойми чего! — знаете, чувствуется внутри движение очень нехорошее.

И по собственному ощущению могу сказать: все это несет явное

развоспитательное значение. Этого отрицать, по-моему, никто не будет.

— И все-таки — сложно ограничить искусство каким-то одним направлением...

— Разные направления в искусстве — это ведь не обязательно плохо. И подвижники были разные. Некоторые окно в своей келье закрывали, чтобы не видеть мира; а другие искали красивые места. Разве не на красивом месте стоит монастырь преподобного Кирилла? На очень красивом месте. А у преподобного Ферапонта — какое красивейшее место! А Павло-Обнорский монастырь в какой красоте находится! И когда преподобный Ферапонт по велению князя ушел в Можайск, он тоже там нашел очень красивое место. Он любил красоту, и мне такие подвижники ближе, чем те, которые отгораживают себя от мира.

Я не хочу и не могу их осуждать — у каждого свое направление, и они могут параллельно идти, не мешая друг другу; но мне больше импонируют те, которые любили красоту. И она где-то, может быть, вдохновляла их на то, чтобы стремиться к Богу.

— Это Вы, владыко, о направлениях подвижничества говорите; но ведь искусство — это же другое...

— Если оно на добро направлено, значит, тоже не против Бога. Та же русская песня — она утешит человека, если он унывает; когда ему тяжело, она ободрит его. Почему же мы должны это отрицать?

— Но ведь утешение — разве не в молитве надо искать?

— Конечно, но если человек еще не научился молиться, не понимает

знаменного распева, не видит глубины его красоты — ничего плохого нет в его тяге к русской песне.

Ведь есть разный возраст духовный, как и физический. Кому-то твердую пищу можно, кому-то мягкую, а кому и молоко.

И поэтому человек сам выбирает, что ему надо.

— Вот и выбирает дикие пляски с безумными песнями...

— Какие-то вещи никак нельзя допустить ни для какого духовного возраста; показывать, куда следует идти, мы, конечно, должны.

Цель обозначить надо. Ведь нельзя сразу к цели скачком придти, надо пройти несколько ступенек, этапов. Вот каждая ступенька пусть ведет его к цели, но не от цели; она пусть ведет вверх, но не вниз.

И поэтому я не могу сказать, что нужно только святыя отцов читать, только церковную музыку слушать и ту только знаменного распева... С этим требованием я согласиться не могу. Если бы мы все были на должном уровне, тогда — да, а сейчас уровни разные.

— Как тут не вспомнить времена преподобных Кирилла, Ферапонта... Как Вы думаете, могут ли вернуться они — в том, конечно, смысле, что монастыри займут в жизни общества прежние место?

— То время мы вернуть уже никак не сможем: естественно, не вернуть и того влияния. Оно, скорее всего, сейчас и невозможно.

Сейчас другие люди: другие формы жизни, другая форма бытия, и внутренняя жизнь человека — другая.

Наш земляк, святитель Игнатий Брянчанинов — его труды, я считаю, может быть, и монашество спасли

у нас на Руси, — именно он показал, как надо сегодня понимать и применять к жизни творения святых отцов, которые жили в четвертом, пятом, шестом, седьмом веках. И монашеская жизнь, считает святитель Игнатий, и влияние монастыря тоже должны быть не совсем те, какие были тогда.

— Совсем все по-другому?

— Цель, конечно, остается одна: стремление к самосовершенствованию, к приближению к Богу. Но пути к этой цели — в связи с тем, что обстановка изменилась — стали несколько другими.

Да и те подвиги, которые несли подвижники, мы понести не сможем. И святитель Игнатий говорит, что было бы в высшей степени безумием повторять их подвиги. Они нам не по плечу. Святые несли подвиги, но они их несли не ради самих подвигов, они несли подвиги исходя из внутреннего своего состояния.

Если подвижник не вкушал пищи, постился — он считал себя недостойным пищи; если он удалялся от людей — он считал себя недостойным общения с людьми. Если он бодрствовал — он считал себя недостойным сна. Если он совершал многие коленопреклонения — он считал себя недостойным покоя. Антоний Великий говорил: «Если ты молчишь, не думай, что это какая-то добродетель великая, а считай себя недостойным говорить». Вот было их устройство такое. Вот внутренняя причина, побуждающая их на подвиги.

— А нынешние люди — чем отличаются?

— Сейчас часто люди видят внешнюю сторону, а внутренней стороны не знают. Они принимают подвиги — великие подвиги, тяжелые даже и

для прежнего времени, может быть, — но забывают о внутренней своей греховности. Они все внимание обратили на внешнее, а внутреннее оставили; поэтому внешнее становится уродливым и даже пагубным.

Для подтверждения этой мысли я приведу такой рассказ. Это было в прошлом веке, в Оптиной пустыни, примерно 150 лет назад.

В Оптину пустынь пришел старец Лев (Наголкин), это был первый оптинский старец. И люди почувствовали особую благодать его, особую доброту и теплоту, которая шла от него, и успокоение.

И к нему народ пошел толпой.

В то время там жил схимонах Вассиан. Он зимой часто не топил келью свою, Великий пост несколько раз проходил, ничего не вкушая в течение 40 дней. А питался очень простой пищей: варил себе травку снить, оставлял на некоторое время в горшочке, а когда все это проки-сало, спокойно ел. Никто это есть не мог, кроме него! И он говорил: «Слаб ты еще, брат, не можешь ты мою пустынную пищу есть».

Но, несмотря на такие великие подвиги, народ шел не к нему, а к старцу Льву. И Вассиан негодовал: «Как? Я основал этот скит, — а ко мне никто не идет; а к какому-то Льву народ идет. Разгону эту ленидовщину». (Имя старца Льва до того, как он принял схиму, было Леонид.) И он действительно начал мешать всячески, жаловаться на старца Льва, хотя не было никаких оснований. И в то же время, в той же Оптиной пустыни, жил старец Макарий, ученик старца Льва. И келья у него была нормальной температуры, и спал он на обычной постели, и каких-то особых постов — сверх тех, которые были в монастыре —

не принимал он на себя. И иногда келейников распекал за их какие-то ошибки...

Однако старец Макарий имел и дар утешения, и дар прозрения, и дар исцеления...

А схимонах Вассиан никаких особых даров не имел, несмотря на свои подвиги.

Наше время — это уже не время тех подвижников, и нельзя слепо копировать то, что было в дни преподобного Кирилла, преподобного Ферапонта, надо здесь подходить с рассуждением.

— Но, раз изменилось время, изменились люди, — может быть, и монастыри не так уж необходимы в сегодняшней нашей жизни? Если не считать, что нынешняя монашеская обитель — это всего лишь дань затухающей традиции, своего рода реликт, то — что они собой представляют тогда?

— Монастырь, я считаю, — это своего рода светоч. Да, я согласен, что в монастырях немало недостатков; но все равно, там есть и светильники, те, которые просвещают, те, которые успокаивают, к которым люди тянутся.

И то, что народ едет в монастыри исповедоваться, и люди ради этого предпринимают далекие путешествия, испытывают всякого рода сложности, трудности — это свидетельствует о том, что они едут, чтобы что-то получить.

Так же как рыбак не будет где-то ловить рыбку, если там ничего нету, так и человек — не поедет он куда-то далеко, если там ничего не получают.

И многие, я знаю, из Вологды ездят в Троице-Сергиеву Лавру — для того, чтобы к таким духовникам, как о. Кирилл или о. Наум, попасть. К ним люди со всей России едут — это тоже показатель.

— Значит, монастыри и в сегодняшней жизни могут стать духовной опорой?

— Устройство — оно, конечно, должно сообразовываться с нашим временем, но сами монастыри, я считаю, нам сейчас необходимы.

Это своего рода искорка, огонек, который дает тепло людям, который их согревает и просвещает людей.

— Спасибо Вам, владыко, за беседу. О многом хотелось бы поговорить; и у наших читателей есть вопросы к Вам, но — нельзя же все сразу... Надеюсь, что это не последняя наша встреча.

— И я тоже надеюсь. Понимаю, что вопросов о православии, о жизни нашей, ответить на которые могут только священники, у людей накопилось немало. И я, и любой священник нашей епархии — всегда будем рады помочь читателям вашего журнала. Так что обращайтесь, мы готовы к сотрудничеству.

Беседу вел
Андрей САЛЬНИКОВ

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛЛА, Белозерского чудотворца

Предисловие

Житие преподобного Кирилла Белозерского написано было известным в XV веке составителем житий русских святых сербом Пахомием. По велению великого князя Василия Васильевича и по благословению митрополита Феодосия, Пахомий отправлен был в Кириллов монастырь для собрания сведений о преподобном на месте его подвигов. Это было в 1461 году, спустя 34 года после смерти св. Кирилла. Игуменом Кириллова монастыря был тогда Кассиан, постриженник преп. Кирилла, бывший очевидным свидетелем его подвигов; живы были и еще некоторые иноки, современники преподобного. От них Пахомий мог собрать много сведений о жизни св. Кирилла. Но особенно обстоятельные сведения сообщил Пахомию Мартиниан.

Сие житие, составленное Пахомием, и было главным источником для составленного нами жизнеописания св. Кирилла. Мы желаем издать сие житие, во-первых, для своей памяти, во-вторых — для пользы других и, в-третьих, — из послушания, так говорит о составлении писаний великий Максим у св. Григория Синаита.

Для лучшего обозрения жизни и подвигов преподобного Кирилла мы делим наше жизнеописание на две части. Первая часть простирается от начала жизни до основания им обители Кирилло-Белозерской, вторая часть — от основания обители до самой его кончины.

ОТ РЕДАКЦИИ. Эти слова предпослал Житию преподобного Кирилла, изданному в конце прошлого века, его составитель архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иаков. Статью о нем читайте на стр. 36.

Житие публикуется с некоторыми сокращениями.

I. Житие преподобного Кирилла от рождения его до основания им обители Кирилло-Белозерской

Рождение и воспитание Кирилла. Преподобный Кирилл родился в 1337 г. от благородных и благочестивых родителей, живших в Москве. Мирское имя его было Косма. Вместе с обучением грамоте, Косма обучался и ведению закона Божия, и чрез чтение Священного Писания и творений отцов Церкви приобретал духовное разумение. Перед своею кончиною родители Кирилла поручили его покровительству своего родственника, окольничего при великом князе Дмитрии Иоанновиче, Тимофея Васильевича Вельяминова*. Честность Космы во всех делах,

добродетельная его жизнь, его благочестие, обнаруживавшееся в частом посещении храма Божия, усердии к молитве и в постничестве привлекли к нему любовь и доверенность Вельяминова и он сделал его участником трапезы своей, и потом назначить его управителем всего своего имения.

Склонность к иноческой жизни. Но Косма, с самой кончины своих родителей, питал в душе своей желание удалиться от мира и проводить иноческую жизнь. Он должен был в глубине души скрывать это желание, не открывая никому из домашних; ибо ему известно было, что Тимофей Васильевич не желал этого. Он искал случая, удобного к приведению в исполнение своего намерения. Посему нередко посещал московские и окрестные монастыри с мыслию, не найдет ли где возможности принять пострижение. Но страх гнева от сильного при князе боярина удерживал настоятелей от пострижения Космы. Ему оставалось, возложив упование на Господа, жить в мире, как живут иноки. И он по своему усердию к храму Божию, частым постам, продолжительным молитвам, милостыням и по заботе о чистоте сердца, по своему незлобию, был иноком.

Игумен Махрицкий Стефан. Много лет жил так Косма. Но наконец Господь исполнил желание его сердца. В половине XVI в., в тридцати пяти верстах от только что возникшей обители св. Сергия, в местечке Махрищи, поселился выходец с юга, постриженник Киевской Печерской обители Стефан. По примеру преподобного Сергия, он построил храм во имя Святой Троицы, и для собранной им братии учредил общежитие по примеру Печерской обители. Вражда соседних землевладельцев заставила было Стефана удалиться в вологодскую страну, и там на реке Авнеже основать новую обитель. Но великий князь Дмитрий Иоаннович, знавший Стефана до его удаления, вызвал его опять в Махрицкую обитель и обеспечил монастырь

* Дмитрий Иоаннович наследовал московское княжение в 1359 г.; великим князем сделался в 1363 г. Посему надобно полагать, что Кирилл был не моложе 25 лет, когда лишился родителей, если принять и то, что это было в первые годы княжения Дмитрия Иоанновича.—
Прим. архимандрита Иакова.

разными угодьями. Стефан отправился, по возвращении из Авнежской обители, в Москву, с честью был принят великим князем, и посетил дом окольничьего Тимофея, у которого жил Косма. Здесь увидел святого старца Косма и решился высказать ему и свое желание иночества, и препятствия к исполнению этого желания. Он пришел к преподобному Стефану и со слезами, припадая к стопам его, сказал: «Давно я желал видеть тебя, отче святой, и ныне Господь исполнил мое желание. Причти меня к лику иноков, и не отринь меня, грешного, подражая Господу, Который принимал мытаря и блудницу. Если ты хочешь, то можешь исполнить желание сердца моего». Видя искренность просьбы Космы, Стефан решился помочь ему, и только размышлял, как лучше устроить это дело. Если просить прежде позволения у боярина Тимофея, то он, может быть, решительно не дозволит, и тогда уже нельзя будет постричь Косму. Стефан употребил среднюю меру. Он решился Косму облечь в рясофор* и дать ему другое имя, и тогда узнать, как примет это известие боярин.

Одевание Кирилла в иноческую одежду. Облечши Косму в рясофор и назвав его Кириллом, преподобный Стефан пошел к Тимофею Васильевичу в то время, когда он в полдень хотел отдыхать после обеда. Боярину доложили о его приходе, и он, приказав немедленно впустить его, встал с постели и просил благословения у Стефана. Давая свое благословение, Стефан прибавил: «И богомолец ваш Кирилл посылает свое благословение». «Кто такой Кирилл?» — спросил Тимофей. — «Родственник твой Косма, — отвечал Стефан, — пожелавший в иночестве работать Господу и молить Бога о вас». Оскорбился этою вестию боярин и наговорил немало укорительного Стефану. Стефан встал и сказал: «Господь повелел ученикам, там, где принимают и слушают их, оставаться, а где не принимают и не слушают, уходя оттуда, отрясти и прах, прилипший к ногам» (Матф. 10, 14; Лук. 5, 10, 11). Сказав это, Стефан пошел из дому. Ирина, жена боярина, женщина благочестивая и

* Рясофор — одежда монастырского послушника (ряса и клобук, но без мантии, которую надевают только принявшие пострижение). — *Прим. ред.*

богобоязненная, затрепетала, услышав слова Стефана, и стала убеждать мужа своего примириться с святым игуменом. Тимофей и сам скоро раскаялся в своей вспыльчивости и послал просить к себе Стефана. Когда пришел преподобный, он стал просить прощения, с своей стороны и Стефан просил у него прощения. Тимофей согласился, чтобы Косма делал, что ему угодно. Стефан поспешил сообщить эту радостную весть Косме. Сей, возблагодарив Бога, роздал все, что имел, бедным, дабы в полной нищете работать Господу.

Пострижение Кирилла в Симонове монастыре. Невдалеке от города Москвы, на самом берегу Москвы-реки, ранее 1370 г. основал обитель иноческую Феодор, сын Стефана, старшего брата преподобного Сергия, с двенадцатилетнего возраста воспитывавшийся в пустыни Сергия, под ближайшим надзором и руководством своего дяди. Симонов монастырь с самого начала получил общежительное устройство. «Правило монастыря,— пишет преподобный Иосиф Волоколамский,— было такое: в келье не ели и не пили, и не выходили из монастыря без благословения настоятеля, отрокам не дозволено было жить ни в монастыре, ни на дворе монастырском, все было по уставу общежительных монастырей».

В этот монастырь к игумену Феодору привел Кирилла преп. Стефан. Феодор постриг его в полное иноческое пострижение, оставив за новым иноком имя, данное ему Стефаном при облачении в рясофор.

Подвиги Кирилла в келейном послушании. По правилам общежития, новоначальный инок отдается под руководство опытного старца. Феодор поручил Кирилла старцу Михаилу, после бывшему епископом Смоленским, который проходил высокое по Боге житие в молитвах, посте и бдениях и во всяком воздержании. Отдавшись вполне в послушание старцу, Кирилл открывал ему каждый свой помысл и старался подражать его высокому житию; пост вменял себе в наслаждение, зимою терпел холод, ночи часто проводил в молитвах без сна. Старец читает Псалтирь, а Кирилл слушает и творит поклоны; иногда это продолжалось до того времени, как ударят в било, призывая к утреннему богослужению. Услышав клепание, Кирилл спешил в храм,

чтобы одному из первых придти туда. Сну Кирилл предавался сидя и желал постоянно усиливать подвиги умерщвления тела.

Его труды в хлебне и поварне. Немало времени провел св. Кирилл в послушании у Михаила. Игумен, видя его утвердившимся в правилах иноческой жизни, назначает ему служение в хлебне. Он носил воду, колот дрова, подавал на трапезу братии теплые хлебы. Со всем усердием и с полною любовью совершал он свое служение, сопровождая его молитвою. Сам он пищи вкушал столько, сколько нужно, дабы не изнемогать от голода, стараясь вместе с тем скрыть от братии свое воздержание; кроме воды, он не знал другого питья, и ту вкушал в меру, не удовлетворяя вполне жажды. В свободное от послушания время становился на молитву и иногда целую ночь продолжал свой молитвенный подвиг.

После немаловременного служения в пекарне, св. Кирилл определен был на послушание в поварню. С тем же духом смирения и усердия проходил он и это служение. Смотри на вещественный огонь, он помышлял об огне неугасаемом, о вечном мучении, ожидающем грешников, и говорил себе: «Терпи, Кирилл, этот огонь, чтобы избежать огня вечного». Постоянным памятованием вечного суда стяжал он такое умиление, что не мог хлеба вкусить и слова сказать без слез.

Посещение Кирилла преподобным Сергием. Великие подвиги и глубокое благочестие св. Кирилла сделали его известным многим; его чтили и великие подвижники. Преподобный Сергей Радонежский, когда приходил в Симонов монастырь посетить своего племянника и других благочестивых, живших в сем монастыре иноков, прежде всего заходил в хлебню или поварню к Кириллу и долго беседовал с ним. Когда старец святою своею беседою посеял семена благочестия, Кирилл поливал их слезами своего умиления.

Юродство. Тяжела была для смиренной души св. Кирилла та слава, то уважение, какими он пользовался от людей. И в последние годы своей жизни, когда состарился уже в подвигах иночества, св. Кирилл писал князю Георгию: «Зная Божественное писание, ты сам понимаешь, какой

вред бывает инокам от похвалы людской, а особенно нам, не очистившимся от страстей. Если кто подлинно чист и свят сердцем, то и таким бывает вред от этой тягости, а нам, еще обуреваемым страстями, великое искушение для души в похвале людской».

Св. Кирилл решился принять на себя подвиг юродства. Он начал поступать как бы повредившийся в уме. За разные действия юродства настоятель назначал ему в наказание епитимью, повелевая иногда сорок дней и более питаться хлебом и водою. С радостью принимал Кирилл такую епитимью, и когда исходил ей срок, делал новые юродства; епитимья назначалась вновь, так что Кирилл иногда месяцев шесть сряду питался только хлебом и водою. Он рад был поститься, а между тем другим нельзя было сказать, что он постится по своей воле, так как он постился в наказание, наложенное на него от настоятеля. Наконец игумен уразумел, что преп. Кирилл юродствует, желая скрыть свою подвижническую жизнь, потому он не стал уже налагать на него епитимьи.

Безмолвное пребывание в келье. Тогда родилось у св. Кирилла желание перейти из поварни в келью, в надежде, что безмолвие келейное поможет ему стяжать большее умиление. Он не открывал этого желания игумену, но вручал свой помысл покрову Пресвятой Богородицы, думая, что если это угодно Богоматери и послужит ему на пользу, то Она устроит какими знает судьбами. В теплой молитве к Богоматери он изливал свою душу, ожидая милости от Царицы Небесной. И вот игумен призывает его и велит ему из поварни перейти в келью и там списывать одну книгу. Желание Кирилла исполнилось; он теперь пользуется тихим безмолвием одинокой жизни в келье, никакие мирские заботы не отвлекают ума его от беседы с Богом. Но, при уединении в своих денно-нощных молитвах и коленопреклонениях, св. Кирилл не чувствовал в себе той теплоты умиления, какую исполнен был он во время служения в поварне. Он молил Пречистую Богородицу возвратить ему прежний дух умиления. Немного спустя времени игумен опять посылает Кирилла в поварню, и Кирилл с радостью пошел на место прежнего послушания. Девять лет провел Кирилл в этой службе и стяжал великое умиление. Во все

время этого служения не покрывал он своего тела теплою одеждою.

Посвящение в иеромонаха. Игумен, видя подвиги св. Кирилла, его смирение и духовную опытность, исходатайствовал ему сан священника, и Кирилл вместе с прочими священниками исполнял свои недели службы; когда же не было его чреды, он ходил в поварню исполнять прежнее свое послушание. Много лет он трудился так, будучи и священником, но потом начал проводить безмолвную жизнь в келье.

Назначение Кирилла архимандритом Симоновской обители. В 1388 г. игумен Симонова монастыря Феодор, получивший в 1383 г. от патриарха Константинопольского звание архимандрита, был посвящен в епископа Ростовского. На место Феодора братия Симоновской обители избрала настоятелем преп. Кирилла, которому усвоено было также звание архимандрита. Почетное звание было для св. Кирилла новым побуждением увеличить свои иноческие подвиги и труды. Не только не возгордился он своею начальническою властью, но еще более смирился, принимая с любовью знатных и незнатных; старших принимал он как братьев, юных как детей. Многие князья и вельможи приходили к нему, ища его наставлений для душевной своей пользы. Великий князь Василий Дмитриевич чтит его как духовного отца. Но эта честь от внешних, эти посещения нарушали безмолвие, которое так любил Кирилл. Потому он решился отказаться от настоятельства и затвориться в келье для безмолвия. Напрасно убеждали его братия остаться начальником их, Кирилл решительно отказался от управления обителию и заключился в келье.

Отречение от настоятельства. Отказ от чести настоятельства не уменьшил, но увеличил уважение к Кириллу. Не только из Москвы, но и из разных стран и городов приходили к нему за советами и наставлениями.

Кириллу было уже около шестидесяти лет, но, несмотря на этот зрелый возраст, когда ищут обыкновенно более покоя и не любят перемен в жизни, сильное желание влекло его удалиться куда-либо далее от жилищ мирских и знаемых людей. Немало боролся он с этим помыслом, но желание не ослабевало. Привыкнув в своих недоумениях искать вразумления и успокоения в молитве, Кирилл часто,

молясь к Пречистой Богородице, взывал к ней: «Пресвятая Мати Христа моего, Ты знаешь, что мою надежду после Бога возложил я на Тебя от юности моей! Как знаешь Сама, наставь меня на путь, на котором мог бы спастись».

Дивный глас Богоматери и видение небесного света. В одну ночь, когда Кирилл пел по обычаю перед иконою Богоматери акафист и дошел до места: «Странное рождество видевше, устранимся мира, ум на небеса преложише», он слышит голос, который говорит ему: «Уйди отсюда и иди на Белоозеро; там приготовлено тебе место, где ты можешь спастись». Вместе с чудным голосом Кирилла озарил великий свет. Отворив оконце келии, он видит свет на севере, где находится Белозерская страна, и свет как бы озарял некоторое место в той стране. Этот дивный голос, этот таинственный свет служили для Кирилла ясным свидетельством того, что Богоматерь не презрела его молитвы. Всю ночь провел он в бдении молитвенном, изумленный и утешенный чудным видением. Эта ночь показалась ему самым светлым днем.

Странствование Кирилла с Ферапонтом на Белоозеро. Незадолго перед сим, по поручению от настоятеля Симонова монастыря, отправился в Белозерскую страну подвижник св. Кирилла по обители Симоновской, единомысленный ему по духу и подвигам, Ферапонт. Вскоре после видения бывшего Кириллу, Ферапонт, с странническим посохом совершавший путь свой в далекую страну, воротился в Симоновскую обитель. Кирилл спросил его: «Есть ли в Белозерской стране места, удобные для иноческой жизни?»

«Много там мест, удобных для уединенной жизни», — отвечал Ферапонт. Кирилл не рассказал Ферапонту своего видения, но, узнав, что Ферапонт сам желает удалиться в малонаселенную страну, условился вместе с ним идти на Белоозеро.

Взяв с собою икону Смоленской Богоматери как путеводительницы в странствовании путном и странствовании житейском, св. Кирилл вместе с Ферапонтом отправились пешком в далекий путь. После трудного пути странники достигли до Белозерской страны. Много обошли они мест,

Икона «Явление Кириллу Богоматери в Симоновом монастыре» (XVIII в.)

но ни одно из них не было по мысли Кириллу, который искал здесь чего-то знакомого указанного ему в видении места.

Наконец путники взошли на гору Мауру. Это самая высокая гора в окрестности Белозерской. Подошву ее омывают волны озера Сиверского. Леса, луга, воды соединились здесь на огромном пространстве и образовали одно из прекраснейших мест России. С одной стороны Шексна разливается извилинами по лугам необозримым; с другой несколько синих озер разбросано среди густых лесов. Кирилл увидел здесь то место, которое назначено было в видении для его пребывания; оно очень полюбилось ему. Сотворив молитву, он сказал: «Вот покой мой, до века здесь вселюся, как угодно Пречистой. Благословен Господь Бог отныне и до века, услышавший молитву мою!»

II. Жизнь преп. Кирилла на Белоозере до его кончины

Водружение креста на избранном месте, водворение в землянке и разлучение с Ферапонтом. Водрузив крест на избранном месте, св. Кирилл отпел благодарственный канон в похвалу Пресвятой Богородице. Тогда рассказал он свое видение спутнику своему Ферапонту, и вместе они прославили Бога и Пречистую Богородицу. Сперва устроили они шалаш, потом ископали в земле келью, в которой и поселился вместе. Но Ферапонт недолго жил с Кириллом; он, верстах в пятнадцати от Кирилла, основал другой монастырь на возвышенном месте между двумя озерами Бородавским и Паским.

Преп. Кирилл остался один на избранном им месте. Это была небольшая круглая поляна среди пустынного бора и густой чащи, как стеной окруженная озерами Сиверским, Долгим и Лунским. Здесь возникла знаменитая Кирилло-Белозерская обитель, которой суждено было иметь великое значение для всей северной России. Еще задолго до прихода св. Кирилла, живший недалеко от этого места

земледелец Исаия слышал звон и пение, раздававшееся на этом месте, но напрасно он с товарищами искал кого-либо найти на этом месте; звон и пение слышали они, но никого не видали.

Труды и искушения преп. Кирилла на новом месте. Много искушений, всякого рода лишений и даже опасностей смертных пришлось испытать св. Кириллу в его уединенной жизни. Преп. Кирилл в ископанной им пещере навещали иногда двое живших по соседству крестьян: Авксентий Ворон и Матфей Кукос, после бывший пономарем в монастыре преподобного Кирилла. Однажды, ходя с ними по лесу. Кирилл так был отягчен сном, что, несмотря на убеждения спутников, лег отдохнуть. Едва заснул он, как слышит голос: «Беги, Кирилл!». Он проснулся, вскочил с своего места и тут же на то место, где он лежал, упало большое дерево. Кирилл, уразумев искушение, постигшее его по коварству диавола, молил Бога и Пречистую Богородицу дать ему силу одолевать сон. И после сего он получил силу нередко по целым суткам оставаться без сна.

В другой раз преп. Кирилл, вырубив лес и вырыв корни, чтобы очистить место для посева овощей, набранный им в одно место хворост зажег, чтобы очистить поляну. Но поднялся сильный ветер, дым и огонь вдруг окружили Кирилла так, что он не знал, куда выйти. Но вот видит он: кто-то похожий на его родственника, боярина Тимофея, берет его за руку, и говоря: «Иди за мною», выводит его из огня.

Устроение часовни и келий; собрание братии. Кирилл недолго подвизался один в пустыни; вскоре начали собираться к нему желавшие разделить с ним пустынные труды его. Нужно было устроить для них келии; устроена была часовня для молитвенных собраний и возникающая обитель ограждена была забором. Сперва пришли к Кириллу из Симонова два преданные ему послушника Зеведей и Дионисий. С радостью принял их Кирилл.

Покров Божий над обителию Кирилла. Вслед за сим стали приходить к нему одни, ища наставлений, другие желая принять от него пострижение; приходили и постриженные иноки из других монастырей; в числе их был Нафанаил,

после бывший келарем обители; некоторых Господь призывал особыми знамениями к вступлению в иноческое братство Кирилла. Жил недалеко от места поселения преподобного Кирилла один поселенец Андрей. Досадуя на то, что Кирилл поселился тут, он несколько раз покушался сжечь выстроенные келии и с живущими в них, но злодейский умысел его не удавался — огонь погасал. В страхе он пришел к св. Кириллу и, припадая к ногам его, просил прощения и потом принял пострижение. Господь видимо покрывал Своего угодника от всяких бед и напастей, самых врагов и зложелателей обращая в преданных Кириллу людей.

Так, живший неподалеку от монастыря боярин Феодор, услышав, что пришедший из Москвы архимандрит Кирилл строит монастырь, подумал, что вероятно он принес с собою много денег, и послал слуг своих ограбить Кирилла. Две ночи сряду подходили слуги Феодора к обители, и всякий раз видели вокруг нее воинов. Феодор подумал: верно, пришел кто-нибудь из московских вельмож к Кириллу, и послал узнать, кто такой пришел? Ему отвечали, что более недели, как никого из посторонних не было в обители. Тогда Феодор, осознав, что Господь хранит обитель Кирилла, пришел сам к нему, исповедал свой грех. Преподобный сказал ему: «Будь уверен, сын мой Феодор, что ничего нет у меня, кроме одежды, которую видишь на мне, и нескольких книг». Боярин с того времени стал благоговеть и уважать св. Кирилла и каждый раз, как только приходил к нему, приносил рыбу или что-нибудь другое.

Устроение храма. Преподобный Кирилл, с собирающеюся к нему братиею, доселе не имел еще храма в обители, частью, вероятно, потому, что не было средств для построения храма, частью потому, что не было в той стране мастеров, умевших выстроить церковь. В обители хранились, конечно, запасные Святые Дары, которыми и причащались подвижники — по примеру древних египетских и палестинских подвижников.

Белозерье принадлежало к ростовской епархии. Архиепископ Ростовский Феодор, бывший Симоновский архимандрит, скончался в 1394 г., еще до прихода преп. Кирилла

на Белоозеро. После кратковременного правления преемника его Арсения, с 1396 г. девятнадцать лет управлял Ростовской епархией Григорий. У него и должен был испросить благословение на устройство и освящение церкви преп. Кирилл.

Способные мастера сами пришли в уединение Кирилла и в 1397 г. выстроен был храм в честь Успения Божией Матери, в память, вероятно, Успенского храма в Симонове монастыре, в котором получил начало своего иночества Кирилл.

Достойнейшие сподвижники и ученики преподобного Кирилла. Под руководством преподобного Кирилла, в его обители образовались высокие подвижники благочестия.

Молчальник *Игнатий*, муж великий в добродетелях, оставив свою пустыню, пришел к св. Кириллу, и до конца жизни пребыл в смиренном послушании богоносному старцу. По своей строгой жизни, он служил образцом для братии после самого Кирилла; в течение тридцати лет иночества своего он никогда не ложился спать, но спал или стоя, или сидя, да и то не спал, а только на краткое время дремал.

У сего старца, строгого подвижника, двенадцать лет прожил под руководством *Иннокентий*. Известный с младенчества св. Кириллу девственной чистотою, он старался подражать святым своим старцам во всем и во всем повиноваться так, как будто не имел своей воли. Незадолго до кончины своей сему Иннокентию, пред всеми своими учениками, Преподобный вручил строение монастырское, нарекиши его игуменом.

Было много у св. Кирилла и еще учеников, знаменитых истинно подвижническою жизнью. В числе их был у него ученик, по имени *Антоний*, великий по Боге житием и опытный в делах духовных и житейских; его-то одного и посылал св. Кирилл, однажды в год, закупать все нужное для монастыря, как-то: одежду, обувь, масло и прочее, и кроме его уже никто не исходил из обители.

Христофор, любимый ученик св. Кирилла; он вместе с ним много подвизался в списывании церковных книг. И как ученик преподобного, он старался с должным смирением исполнять то, что видел творящим отца

своего Кирилла; до такой степени любил убожество в своих одеждах, что по одежде его не могли различать от прочей братии, тогда как он уже был впоследствии игуменом Кирилловской обители. Он обрек себя на подвиг — не выходить из ограды, и до конца жизни не смел нарушить отеческой заповеди.

Трифон, из постриженников св. Кирилла, преемник по игуменству Христофору, муж рассудительный в делах духовных и мирских. Он не менее других учеников преподобного старался во всем соблюсти его заповеди; быв впоследствии настоятелем, он заботился, чтобы ничего не разорилось из общежительского устава его; и Господь, молитвами св. Кирилла, помог ему соорудить более просторную церковь, во имя Успения Богоматери, и вслед за тем обширную трапезу с теплою церковью и распространить самый монастырь*.

Мартиниан, воспитавшийся под непосредственным руководством св. наставника, и вполне достойный его ученик. Св. Кирилл, проразумев в отроке Михаиле чрезвычайное смирение, принял его к себе, облек его в иноческую одежду и дал ему новое имя Мартиниан. Он повелел ему жить у себя в келье и читать отеческие книги. Юный Мартиниан с любовью предался чтению отеческих писаний и подвигам послушания, молитвы и труда; когда смущали его какие-либо помыслы, со страхом исповедовал их своему старцу, так что преподобный дивился его смирению и прославлял Бога. Видя его добродетели, св. Кирилл дозволил ему жить особо в своей келье и просил Ростовского святителя рукоположить его сперва в диакона, для соборного с собою служения, а потом и во пресвитера. Мартиниан, по замечанию жизнеописателя, как бы на хартии, собирал в сердце своем все изречения св. Кирилла, особенно следующее: «Добро иноку хранить молчание и нестяжание и избегать всего, что может возмутить душевные чувства». По преставлении св. Кирилла он преемственно был настоятелем и Ферапонтова монастыря, и Сергиевой лавры.

* В обители Белозерской и преподобный Дионисий Глушицкий находился некоторое время в числе учеников св. Кирилла, которого священный лик сохранил на иконе своею кистью. — *Прим. архимандрита Иакова.*

Из числа братства св. Кирилла остались еще известными по именам и святостию жизни: *Герман*, которого послушанием была ловитва рыбы, и духовный друг его *Димитрий*.

Введение устава общежительного. Когда в обители Кирилловой умножилось число братии, преподобный ввел в нее устав общежительный; в сем чине иноческого жития он начертал правила относительно общего Богослужения, общей трапезы, одинаковых келий, общих одежд, общего казнохранилища и общих послушаний и т. п.

Святая жизнь Кирилла. Но не столько правилами устава, какой дал преподобный Кирилл для своей обители, поучал он и руководил в житии богоугодном, сколько примером своей святой, высокой, истинно подвижнической жизни. Св. Кирилл освящал свой устав примером своей жизни. Ночью св. Кирилл со слезами молился; никогда молитва не переставала в устах его. Прежде всех приходил он в храм; сам блаженный никогда в церкви не стоял, приклонясь к стене, и не позволял себе сидеть в церкви безвременно, и ноги его были как неподвижные столпы. Присутствуя за братскою трапезою, он обыкновенно вкушал только от двух снедей, и то не до сытости, а пил одну воду. Запрещаю другим роскошь, сам носил одежду ветхую — рубище. Часто, после утрени и келейного правила, приходил он в поварню и, будучи игуменом, разделял труды с поварами, помогал им в приготовлении братской пищи, заботясь о том, чтобы пища для братии была приготовлена лучше. Никогда он не позволял нарушения церковных правил о посте.

Многопоучительны были также любовь и вера Кирилла к Богу. Служил ли он божественную литургию, читал ли сам чтения, или только слушал их, или поучал братию, он никак не мог удержаться от слез благоговейных: такова была теплота его божественной любви! Он же имел великую веру к Богу, с упованием. Когда случался недостаток в хлебе и братия понуждали послать за хлебом к христовлюбцам, св. Кирилл никак на то не соглашался, и отвечал: «Бог и Пречистая Богоматерь не забудут нас на месте сем; иначе зачем и жить нам здесь?» и не позволял докупать мирянам сборами. А если сами присылали в

обитель его милостыню какую-либо, он, с благодарением Богу, принимал ее как дар Божий, и тем утешал братию.

Назидательны были для братии и дела милосердия св. Кирилла к бедным. Был однажды сильный голод во всей окрестности: народ отовсюду стекался к обители преподобного, прося себе хлеба, а в монастыре, и во время сего голода, запасов было достаточно только для братства. Св. Кирилл велел раздавать хлеб убогим и нищим, и питать всех проходящих. И чем более раздавалось хлеба, тем более умножались молитвою преподобного запасы монастырские; и таким образом, им во время голода пропитано было множество народа.

Благодатные дары Святого Духа. Особенную действенность наставлениям преп. Кирилла придавали благодатные дары Св. Духа.

Тридцать лет подвизался св. старец в своей пустынной обители, и за многую его добродетель, особенно за чистоту души, Господь наградил угодника Своего благодатным даром прозорливости — провидеть помышления человеческие и предсказывать будущее.

Предсказание и исцеление. Преп. Кирилл иногда соединял свои предсказания о будущем с исцелениями. Такой случай был с родным братом св. Христофора Сосипатром. Случился великий мор в странах Белого озера — тогда была большая смертность и вокруг монастыря Кириллова. В сей обители сильно было заболел Христофоров брат Сосипатр; в таком положении, Христофор поспешил к преп. Кириллу поведать, что брат его уже умирает. Но преподобный предсказал: «Поверь мне, брат Христофор, что ни один из вас прежде меня не умрет: после же моего отшествия многие из вас пойдут вслед за мною»; что и сбылось действительно. И опасно больной получил совершенное выздоровление молитвами преподобного отца.

Чудеса преп. Кирилла. Господь еще в земной жизни прославил Своего угодника многоразличными дарами чудес. Сии дарования Св. Духа были многообразны. В иное время Господь подавал св. Кириллу Духа — изгонять бесов, в другой раз — силу совершать исцеления, и еще — воскресения мертвых, а в иное время и преимущественно дар чудотворения, и пр. Кирилл укрощал бурю, умножал мо-

литвою церковное вино для литургии, испросил чадородие Белевскому князю.

Воскрешение мертвого. Один человек, одержимый болезнью, угрожающею смертию, умолял преподобного скорее постричь его. Св. Кирилл постриг больного, облек в монашескую одежду и назвал Далматом. Близкий к смерти, больной Далмат просил причастить его пред смертию св. Таин. Но священник в служении литургии замедлил и болящий умер без причащения св. Таин. Возвестили о том преподобному. Огорченный сим, св. Кирилл обратился с плачем к Богу; он, своею молитвою, воскресил из мертвых Далмата для того, чтобы тот причастился св. Таин. И как только причастился, и со всею братиею простился, мирно и тихо уснул о Господе.

Укрощение бури на озере. Не одним даром исцелений был прославлен от Бога св. Кирилл, но и другими чудотворениями. Однажды преподобный послал ловить рыбу на озеро. Ловцы были уже на середине озера; вдруг сделалась буря на озере, так что лодка заливалась волнами и ловцам угрожала смерть. Некто, по имени Флор, стоявший тогда на берегу, увидя утопающих, побежал к св. старцу и поведал ему, что ловцы утопают в озере. Св. Кирилл с крестом устремился на берег; животворящим крестом он осенил воды озера, и сим осенением укротил бурю на озере — в одну минуту утихли ветры и настала великая тишина на озере. Избавленные от потопления благополучно пристали к берегу.

Умножение вина церковного для службы. В другое время недостало церковного вина для службы. Возвестили преподобному, что вовсе нет вина для литургии на день субботний и недельный. Преподобный призвал к себе пономаря Нифонта и спросил его: нет ли хоть сколько-нибудь вина? Нифонт отвечал, что и сосуд тот, в котором всегда было вино, совершенно сух. Святой велел принести к себе тот сосуд: Нифонт повиновался. Но когда взошел туда, где хранился сосуд, — он внезапно увидел сей сосуд преисполненным вином до того, что оно уже изливалось, и чрезвычайно изумлялся тому; ибо вполне был уверен, что в нем не было ни капли вина. Видя то чудо, и вся братия тоже дивилась и прославляли Господа.

И долгое время не оскудевало вино то в сосуде, пока не было принесено иное христолюбцами. Так-то чудодейственная вера Кирилла и внезапная помощь благотворителей спасали обитель от недостатка!

Разрешение неплодия. Еще дивное чудо, прославившее угодника Божия Кирилла в иных уже странах, и бывшее виною многих милостей к его обители. Был некто Белевский князь Михаил и супруга его именем Мария; в течение восьми лет у них не было детей, ибо Мария была неплодна, и оба они скорбели о своем безчадии. Князь слышал от многих, что все, что ни попросит у Господа преподобный Кирилл, дарует ему Господь; поэтому он послал двух бояр своих с молением к святому, да помолится за него и его княгиню, и да испросить им у Господа разрешения их неплодия. Еще прежде, чем подано было послание от князя, блаженный сказал посланным: «Велик ваш путь, о, чада, и вы с трудом пришли; верую убо Богу моему и Пречистой Его Богоматери, что труд ваш не будет тщетным: Бог даст вашему князю плод чадородия». Подивились бояре прозорливости св. старца и поспешили поднести ему послание князя, а святой велел успокоить их. В ту же ночь явился князю по сне светоносный старец, украшенный сединами, с тремя сосудами в руке своей, который сказал ему: «Прими то, что ты просил у меня». То же явление и в тот же час было и княгине Марии; с радостию они поведали друг другу бывшее им одинаковое видение. Преподобный же Кирилл, после трех дней, отпустил бояр с миром к своему князю и велел келарю дать им на дорогу полтора хлеба и несколько рыбок.

«Повели, отче, дать нам более хлеба и рыб, потому что нам путь дальний, а места все пустынные».

Святой же отвечал: «Идите с миром, с вас и этого достаточно будет даже до самого дома». Все сие исполнилось по слову святого; на двадцатидневном пути достаточно было для восьми мужей одного только полухлеба. С благословением св. Кирилла благополучно возвратились к своему князю посланные им бояре и отдали ему целый хлеб, оставшийся от пути. Князь с радостию принял благословение и хлеб, удивляясь поведваемым ими чудесам;

хлеб раздробили на части и роздали всем домашним; все вкушали его как бы великую святыню, больные же от вкушения сего хлеба внезапно выздоравливали. Князь спросил бояр, в какой день они пришли к преподобному, и оказалось, что в тот день ночью князь и княгиня видели одинаковое видение. У князя после того родилось два сына и одна дочь, предзнаменованные тремя сосудами от преподобного. С тех пор князь и княгиня имели великую любовь к преподобному и посылали в обитель его многие милостыни.

Приготовление к смерти. Преподобный стал все ослабевать сильнее, его различные болезни умножались и он постепенно приближался к блаженной кончине. Незадолго до смерти призвал богоносный Кирилл к себе братию, которых было тогда пятьдесят три, и строго заповедал им, по смерти его, не нарушать данного им общежительного устава. Поучив довольно братию, он сам назначил им игуменом вместо себя одного из своих учеников, Иннокентия, мужа добродетельного, хотя тот и долго от сего отрекался. Сам же великий подвижник крайне желал безмолвствовать в своей келье. Ему уже не могли служить ноги во бдениях от его великого воздержания и стояний; несмотря на то, он, однакож, не оставлял своего правила келейного; сидя совершал сие правило, и молитва, особенно Иисусова, никогда не переставала в устах его. Не мог св. старец на своих ногах ходить в церковь и когда хотел совершить литургию — а он никогда не оставлял своего правила служить по праздникам, — ученики приносили его на руках в церковь. Во св. Пятидесятницу, в последний раз, сам совершил божественную литургию и причастился св. Таин; в Духов же день стал совершенно изнемогать телом.

Кончина преподобного Кирилла. Вся братия, видя его в крайнем изнеможении сил, собралась к нему в келью; все скорбели и проливали горькие слезы о предстоящей тяжелой разлуке с своим духовным вождем и попечителем; от великой любви к нему, желали, если бы можно было, умереть вместе с ним; а некоторые говорили ему с плачем: «Если ты оставишь нас, отче, то и место сие опустеет, ибо многие переселятся из сего монастыря».

Но святой сказал рыдавшим ученикам своим: «Не

скорбите о моем отшествии; если получу дерзновение у Господа и у Пречистой Его Богоматери, и труд мой будет угоден Богу, то не только не оскудеет обитель моя, но еще более распространится по отшествии моем, только любовь имейте между собою».

Братия не могли престать от рыдания, но святой, утешая плачущих, говорил: «Не скорбите, братия и чада, в день моего покоя, ибо мне уже настал час почить о Господе, Предаю вас Богу и Пречистой Его Богоматери, да сохранят вас от всех искушений лукаваго; сын мой Иннокентий да будет игуменом на мое место; имейте его вместо меня и он исполнит ваши недостатки».

Сам же преподобный так был весел духом, как из чужих и далеких стран возвращающийся на свою родину; не имея никакой печали, он веселился надеждою будущих благ и лишь об одном просил братию, чтобы у них не было раздоров и сваров между собою, и чтобы ничто не разорвалось от общего его жития. Иноки со слезами просили себе у него последнего прощения и благословения; он же, как чадолюбивый отец, всех с любовью прощал и благословлял, взаимно прося себе у всех молитв и прощения. В самую минуту исхода души своей причастился, в последний раз, Божественных Таин, и, с молитвою в устах, тихо и мирно предал чистую и святую свою душу в руки Господа; это было 9-го июня, в лето от Рождества Христова 1427, на память тезоименного себе св. Кирилла Александрийского, в понедельник Св. Троицы.

Погребение. В минуту разрешения неизреченное благоухание пролилось от св. тела Кирилла — это благоухание всеми чувствовалось; затем лицо его просветлилось и было чисто и светло даже больше, чем при жизни, и не так, как обычно бывает у мертвых, а как бы живой лик; казалось, он не умер, а блаженно почил. С плачем и рыданием братия положили трудолюбное тело отца своего на одр погребальный и понесли с псалмопением в сооруженный им храм Успения Пресвятой Богородицы. Совершив надгробное пение, с великою честью погребли св. мощи его

Окончание на стр. 34

1337—1427 — годы жизни Кирилла Белозерского, основателя монастыря.

1397 — основание монастыря.

1427 — в монастыре проживало 53 инока.

1462 — известным литератором Пахомием Сербом написано Житие Кирилла Белозерского.

1497 — построен первый каменный храм в монастыре — Успенский собор.

1499 — князь В. И. Патрикеев насильно пострижен в монахи. Он стал здесь первым политическим ссыльным.

1519 — построена каменная церковь Введения с трапезной палатой.

1528 — приезд великого князя Василия III с супругой Еленой Глинской.

1531—1534 — построены на вклад Василия III две каменные церкви — Иоанна Предтечи и Архангела Гавриила.

1545, 1553, 1569 — приезды царя Ивана Грозного.

1557 — сильный пожар, уничтоживший многие постройки.

1585 — мастером Александром с учениками Емельяном и Никитой расписаны Святые врата монастыря.

1557—1600 — строительство первой каменной крепости-ограды вокруг Успенского и Малого Ивановского монастырей.

1601 — монастырю принадле-

жали три волости, 1 слобода, 51 село, 880 деревень.

1611—1620 — строительство Острога, дополнительного военного сооружения, прикрывшего слабую часть укреплений Ивановского и Успенского монастырей.

1612—1617 — оборона монастыря от польско-литовских интервентов.

1641, 1650 — костромскими и ярославскими мастерами расписаны Успенский собор и его паперти.

1666—1681 — пребывание опального патриарха Никона в ссылке в Кирилло-Белозерском и Ферапонтовом монастырях.

1653—1682 — строительство второго каменного кольца укреплений — «Нового города».

1704 — к монастырю приписали Никитский, Благовещенский монастыри, Нило-Сорскую и Николаевскую-Курдюжскую

пустыни. Монастырская корпорация состояла из 220 монахов.

1722 — приезд императора Петра I.

1740 — монастырь являлся собственником 1 тыс. крестьян, проживающих в 5723 дворах 16 уездов. Монастырские подворья размещались в Москве, Ярославле, Нижнем Новгороде, Вологде, Дмитрове, Великом Устюге, Каргополе, Турчасове.

1764 — Указ Екатерины II «О штатах» лишил монастырь его угодий, крестьян. По штатному расписанию, как перво-классный, монастырь получил денежный оклад до 2500 руб. и возможность иметь до 33 монахов и 25 «штатных служителей».

1776 — создание из подмонастырской слободы уездного города Кириллова.

1777 — в крепостной стене монастыря по инициативе городских властей разместилась

городская и уездная тюрьма, просуществовавшая в обители до 1876 г.

1778—1795 — на территории монастыря находилась духовная семинария.

1785 — вывоз в Москву, Херсон значительного количества ценностей — изделий из золота и серебра.

1809 — в монастыре открылось духовное училище, в 1903 году оно было выведено в город.

1812 — монастырь пожертвовал на народное ополчение серебряной утвари 1 пуд 17 ф. 60 зол. (23 кг 600 г).

1877—1878 — в караульной Казанской башне содержались пленные горцы, видимо, сторонники Шамиля.

1886 — построены две монастырские часовни, одна на Сиверском озере, другая на горе Мауре (до настоящего времени не сохранились).

1893 — в монастыре по инициативе архимандрита Иакова и на его счет открыта церковно-приходская школа, просуществовавшая до 1917 года.

1897 — празднование 500-летия Кирилло-Белозерского монастыря.

1907 — в Новгородской епархии учреждена кафедра второго епископа, местом пребывания епископа Кирилловского избран Кирилло-Белозерский монастырь.

1913—1919 — начало реставрационных работ в Ферапонтовом и Кирилло-Белозерском монастырях.

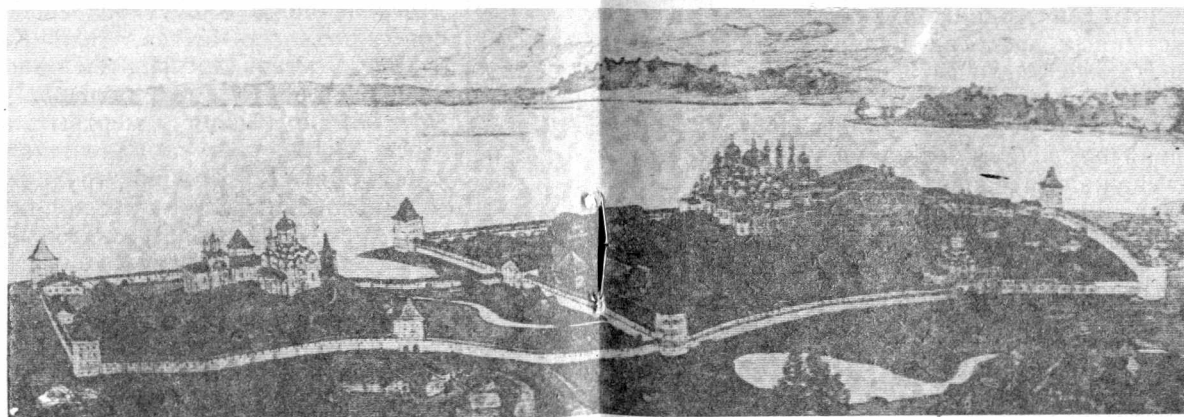
15 сентября 1918 — расстрелян епископ Кирилловский Варсонофий.

1924 — по инициативе уездных и губернских властей монастырь был закрыт.

На территории монастыря возник историко-художественный музей, с 1932 года реорганизованный в краеведческий. В 1956 году ему вернули прежний статус, а в 1968 году на основе архитектурных ансамблей Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Горицкого монастырей создан Кирилло-Белозерский историко-архитектурный художественный музей-заповедник.

1992 — на территории Кирилловского района создан национальный парк «Русский Север», куда вошли архитектурные ансамбли монастырей и их природное окружение.

Составил
Илья СМЕРНОВ

Кириллов монастырь. Ок. 1600 г. Реконструкция С. С. Подъяпольского

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛЛА, Белозерского чудотворца

Окончание. Начало на стр. 11

по правую сторону собора, где впоследствии над могилою его была воздвигнута часовня, а затем сооружен придел во имя его.

Шестидесяти лет пришел св. Кирилл в Белозерскую пустыню, прожил здесь в своей обители тридцать лет и почил на 90-м году своей жизни. Как при жизни своей, благодатию Божиею и помощью Богоматери, он творил много чудес, так не преставал творить их и по смерти своей.

Сохранившиеся вещи после преподобного Кирилла. В обители преподобного Кирилла сохраняется немало памятников, оставшихся после святого основателя обители.

Из числа рукописей, писанных самим преподобным, замечательна одна с объяснениями разных явлений природы, взятых из древнего естествоиспытателя Галена. Здесь есть статьи о морях, облаках, громе, молнии и падающих звездах. Этими сведениями преподобный пользовался для того, чтобы исправлять неправильные понятия народа о явлениях природы и показывать истинное значение сих явлений.

При обозрении небольшого числа сохранившихся до нашего времени книг, принадлежащих библиотеке преподобного Кирилла, открывается, что сей угодник Божий, первоначальник иночества в пустынных пределах Белоозера, и ученики его были люди не только благочестивые, но и в свой век просвещеннейшие. Нельзя также не заметить, что некоторые из них вполне обладали искусством каллиграфии и иконописанием. Отсюда понятно, почему великие и удельные князья наши так много уважали преподобного Кирилла и с любовью вели с ним духовную переписку и почему и по смерти его они и цари наши и вообще люди именитые и простые имели великую веру и любовь к Кириллову монастырю, часто притекали в оный, многие постригались здесь и все усердно украшали и наделяли обитель богатыми вкладами.

Память святого Кирилла празднуется 9 июня
(22 июня по новому стилю)

*Слева — киот иконы преподобного Кирилла, писанной Дионисием
Глушицким. Справа — подлинные вещи преподобного Кирилла*

ПАСТЫРЬ МИЛОСТИЮ БОЖИЕЙ

Одним из 12 настоятелей Кирилло-Белозерского монастыря в XIX веке был архимандрит Иаков (Поспелов) — кандидат богословия, кавалер орденов, Почетный член Московской Духовной Академии, Братства Святой Софии, Почетный попечитель Кирилловского духовного училища, искусный проповедник, церковный писатель.

Архимандрит Иаков — в миру Василий Иванович Поспелов, сын священника Тульской епархии. Он закончил Тульскую духовную семинарию и Московскую духовную Академию. На последнем курсе Академии принял монашество, вскоре был посвящен в иеродиакона и иеромонаха. Преподавал несколько лет в Орловской и Харьковской духовных семинариях, три года жил в Риме будучи настоятелем посольской церкви. Еще до отправления в Рим возведен в сан архимандрита, был благочинным монастырей. По возвращении из Рима настоятельствова в Зеленецком монастыре Санкт-Петербургской епархии. Дальнейшая судьба архимандрита Иакова связана с Новгородской епархией. С 1857 года он — настоятель Кирилло-Новоозерского, с 1866 по 1896 гг. — Кирилло-Белозерского монастырей, благочинный местных монастырей.

За 30 лет архимандритом Иаковым многое было сделано для обители преподобного Кирилла Белозерского. При нем развернулись грандиозные ремонтные работы в монастыре. Можно предполагать, что они проводились по хорошо продуманному плану, целью которого было приведение монастыря в порядок, его благоустройство к 500-летию юбилею. Были

выкрашены стены Успенского собора и ряда церквей, заменены ветхие крыльца, отремонтированы окна и двери, выложены чугунной плитой отмостки у стен собора, площадка у крыльца церкви Введения. Построена деревянная галерея, соединяющая церковь Введения и архимандричьи кельи. Аркадием Прихудайловым поновлены «потемневшие лики в Святых воротах». Ремонтные работы проводились и в других частях монастыря.

Много сил настоятель приложил и для укрепления духовной жизни обители, неустанно заботясь о восстановлении истинно монашеской жизни в духе Устава преподобного Кирилла. Сам будучи человеком «строгой монашеской жизни», он того же требовал и от других. Под началом Иакова было около 20 монахов и послушников. На исправление присылались монахи из других монастырей. Для примера своей братии архимандрит «выписывал» для жительства монахов из монастырей, отличавшихся строгим порядком. К провинившимся монахам применял наказания. «Не нужна честь, а порядок требует», — написано Иаковом в «выговоре или обличении при братии» иеромонаху Алексию, сделанному за то, что он перестал принимать у настоятеля благословение.

В Кирилло-Белозерском монастыре при Иакове были прекращены праздничные угощения вином в кельях настоятеля, в трапезе перестали выдавать братии «водочные порции». Из винного склада в башнях (они сдавались в аренду городу) вывезли бочки с вином. В первые дни первой и страстной недель Великого поста

ворота монастыря закрывались для мирян. Неблагосклонно смотрел архимандрит на посещение монастыря женщинами. По мнению Иакова, монахи, не повинующиеся игумену, должны были изгоняться из монастыря.

И строгими мерами он добился многого. Постриженники Иакова, прошедшие его суровую школу, впоследствии с благодарностью вспоминали жизнь в монастыре под началом этого старца-аскета. Когда после его смерти монастырская жизнь «сильно пошатнулась в нравственном отношении», некоторые из них покинули монастырь.

Забываясь о благонравии монашествующих, архимандрит Иаков на протяжении многих лет добивался вывода с территории монастыря духовного училища и уездной тюрьмы, размещавшихся здесь с XVIII века. В многочисленных посланиях разным лицам он объяснял эту причину. «Довольно терпения: бедная обитель и так почти целое столетие терпела отягощение от острога...».

На просвещение народа он не жалел не только монастырских, но и своих личных средств. «Поднятие нравственного и умственного уровня народа вот та громадная задача, в которой наше духовенство по званию своему должно принять самое деятельное участие», — писал архимандрит Иаков в предисловии к своему сочинению «Пастырь по отношению к себе и пастве». На его личные средства в разное время содержалось несколько учеников Кирилловского духовного училища, не раз отправлялись ученики в духовные семинарии. По его инициативе в 1893 году в крепостной стене монастыря на месте женской гостиницы со входом из го-

рода открыли монастырскую церковно-приходскую школу. За счет Иакова школа снабжалась учебниками и письменными принадлежностями. Ученикам выдавали хлеб на завтрак, а в праздники — булки. Позднее для них устроили в городе бесплатную столовую, на покупку провизии для которой тратилось около 300 рублей из личных средств Иакова. Для учеников покупали сапоги, валенки, шили одежду. Назначенный в школу учитель А. А. Измаилов получал от монастыря жалованье в 120 рублей, бесплатные квартиру и питание. Учитель был и библиотекарем устроенной архимандритом Иаковым «братской и для мирян» библиотеки.

В народе архимандрита знали как щедрого благотворителя. На благотворительность он тратил почти все личные средства, имея в год около двух тысяч рублей. Около 500 рублей в год его денег шло на отпуск лекарств из аптеки всем, кто не имел возможности их покупать. Благодаря Иакову в монастыре установился обычай отделять из братских сумм 30—40 рублей в месяц для раздачи нищим и кормить их. На свои деньги архимандрит заказывал книги, предназначавшиеся для раздачи богомольцам. Раздавал просителям деньги, вещи, лекарства. Особенно многим оказывал помощь в голодные годы, помогая, кому хлебом, кому дровами.

Иногда архимандрит Иаков отдавал просителям последнюю копейку, сам же чай занимал у келейника. В своей келье он имел только самое необходимое, в том числе книги. Из одежды после него остались клобук, два подрясника, две рясы и шуба. «Лишние» подрясник и ряса оказались потому, что были подарены преосвященным

Тихоном епископом Можайским. На похоронах архимандрита Иакова присутствовало около 6 тысяч человек, а в Кириллове и всего населения было в то время около 4 тысяч. Пришедшим раздали более тысячи экземпляров проповеди Иакова «Слово на Рождество Христово» и других его сочинений. Замечательные проповеди архимандрита как, например, «Не бываем тщеславны» печатались и спустя много лет после его кончины.

Иаковом были написаны также «Путешествие в Бар-град» и «Краткие заметки о римской церкви», «Служба на обретение мощей пр. Кирилла Новоезерского». Часть его трудов посвящена Кирилло-Белозерскому монастырю.

Архимандриту Иакову, вероятно, можно приписать составление «Летописи событий Кирилло-Белозерского Успенского монастыря с 1397—1893 г.». Рукопись хранится в фондах Кирилло-Белозерского музея. Можно предполагать, что толчком к написанию ее послужили неоднократные Указы, Определения епархиального ведомства о необходимости вести летописи во всех церквях и монастырях. Именно в 1893 году вышло Определение Новгородской Духовной Консистории, в котором предписывалось ведение летописей уже со следующего 1894 года. Церковные летописи должны были включать краткую историю церкви, прихода или монастыря, писаться простым и ясным языком, четко и хорошими чернилами. Обязанность вести летопись в монастыре возлагалась на настоятеля. В загла-

вии кирилловской летописи стоят две даты: одна — год основания монастыря, вторая, видимо, год окончания описания монастыря — 1893.

К сожалению, в Летописи освещаются события лишь до 1764 года.

Работы ученого настоятеля, его деятельность стали частью истории Кирилло-Белозерского монастыря. Сохранился и мраморный памятник около алтаря Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря над захоронением архимандрита Иакова.

Альбина СМЕРНОВА

СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ

Первая мысль о создании музея в богатом древностями Кирилло-Белозерском монастыре возникла еще в начале XX столетия и связана с деятельностью иеромонаха Антония. Пока сведения о нем не слишком полны, но в недалеком будущем, вероятно, удастся составить жизнеописание этого интересного человека.

Антоний поступил в Кирилло-Белозерский монастырь в апреле 1893 года и до пострижения в течение четырех лет выполнял разного рода послушания, т. е. проходил испытания: работал на кухне, пек хлебы. Самым тяжелым оказалось послушание по сбору денег. В октябре 1897 года в монастыре разразился большой пожар, очень повредивший стены и строения между Белозерской и Московской башнями. Новгородское епархиальное начальство разрешило сбор пожертвований на восстановление монастыря. Антония назначили сборщиком, и он отправился в Вологду, Ярославль, Ростов, Москву, Санкт-Петербург. Сам Антоний с горечью вспоминал позднее об этом послушании: «...надо выпрашивать гроши, а у нас монастыре пропивают рубли ...стыдно и горько». В Москве на паперти знаменитого храма Христа Спасителя (взорванного в 1937 г.) произошла его встреча с монашкой Апполинарией — сборщицей из соседнего Горицкого женского монастыря. Земляки очень обрадовались друг другу, посетовали на трудность и некрасивость порученного дела и, как писал Антоний, «мы оба сильно и горько плакали». Вскоре неудачливого и слишком совестливого сборщика отозвали в монастырь, и монастырское руководство даже обсудило вопрос о переводе его в другой, более удаленный и бедный монастырь. Антонию дали новое послушание: сопровождать крестный ход с чудотворной

иконкой в качестве певчего и носителя церковной кружки (для сбора денег), но уже в своем уезде.

В 1901 году в монастыре сменился настоятель, и новый архимандрит Феодосий посвятил Антония в сан иеромонаха. Некоторое время новоиспеченный иеромонах жил относительно спокойно под покровительством благоволившего к нему настоятеля, но в отсутствие последнего неприязнь старшей братии проявлялась с новой силой. А причин тому было много. Антоний оказался очень неумным, любознательным и глубоко убежденным в пользе труда и просвещения монахом. С 1900 года он являлся постоянным корреспондентом журнала «Новгородские епархиальные ведомости». Это церковное издание получали и читали не только в монастырях, но и во всех приходских церквях губернии. Антоний активно проповедовал идеи культурного просветительства и организации высокопродуктивного сельского хозяйства и считал, что именно монастыри должны возглавить это дело. Он предлагал создавать образцовые хозяйства и на их основе обучать крестьян, призывал развивать пчеловодство, открывать ремесленные мастерские и курсы для сестер и братьев милосердия (последние — ввиду приближения холеры) в монастырях.

В статье «Желательное в жизни наших монастырей», опубликованной в 1906 году, он писал: «...первым непремненным условием в деле поднятия и укрепления нравственных устоев среди монашества я считаю труд и организованную благотворительность, которая, за малыми исключениями, к сожалению, совершенно отсутствует в настоящее время среди нашей иноческой братии». Разумеется, такие мысли не всем пришлись по вкусу.

Но капель, переполнившей чашу

терпения начальства, стал призыв к организации музеев в монастырях и пристрастие Антония к коллекционированию древностей. Идея монастырских музеев была довольно продумана Антонием. Он предлагал такую систему: в одном из главных и наиболее древних монастырей епархии учреждается центральный музей, а в других — его отделения. Музей в Кирилловом монастыре, по мнению Антония, можно было бы разместить в Келарском домике и в здании бывшего духовного училища. Он предрекает успех этому предприятию, имея опыт личного собирательства. Свою коллекцию Антоний начал собирать в 1903 году, а через три года у него было уже около 300 предметов. Он охотно показывал свое собрание специалистам и всем любителям древностей, приезжавшим в Кириллов. Можно предположить, что мысль о собирательстве и вообще интерес к истории и искусству зародился у любознательного монаха не без влияния Н. П. Успенского — преподавателя Кирилловского духовного училища, страстного краеведа и широко образованного человека. Успенский в 1897 году издал в Кириллове книгу о Кирилло-Белозерском монастыре, а до этого много работал с архивными документами и, по-видимому, собирал архитектурную керамику. В некрологе на смерть Успенского в 1898 году Антоний вспоминал, как носил ему целыми корзинами изразцы и разные обломки, найденные в земле.

Вот что писала о встрече с Антонием в 1904 году княгиня М. К. Тенишева: «...иеромонах произвел на меня большое впечатление. Он выделяется среди них как голубь между коршунами, и совсем не ко двору этой братии. Он мечтал преобразовать монастырь в монашескую трудовую общину, где все работают наравне, ведут

хорошее хозяйство и служат примером для края. Кроме того, он был ярким, страстным коллекционером древностей, понимал старину, и в его келье, которую мы посетили, находился настоящий маленький музей. Но все эти поползновения на упорядочение строя монастырской жизни, понятное дело, были приняты братией в высшей степени недоброжелательно, его и боялись, и ненавидели».

Происки недоброжелателей привели к тому, что в августе 1908 года Антония переводят в Филиппо-Ирапскую пустынь, которая находилась в Череповецком уезде. Причины были названы следующие: «...за принятие в своей келье посторонних лиц, самовольные просрочки данных ему отпусков из обители, непослушание монастырскому начальству и другие неблагоприятные поступки».

Не помогли и попытки научной общественности привлечь внимание к полезной деятельности Антония. Из канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода к архиепископу Новгородскому пришло письмо с просьбой оставить коллекцию иеромонаха Антония в монастыре и подобрать для нее помещение более удобное и безопасное, «чем то, в котором она находится ныне и которое (коллекция размещена частью в келье иеромонаха Антония, частью под лестницею и на чердаке) не гарантирует ее целость». Письмо было составлено по предложению директора Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге Н. В. Покровского, который видел собрание кирилловского иеромонаха.

Кирилловский епископ Иоанникий, получив это письмо с резолюцией архиепископа в кратчайшие сроки дать свои соображения и выслать опись коллекции, учинил допрос Антонию.

Запись сомнений не оставляет: судьба коллекции монастырского руководства не трогала, письмо использовали как еще один повод свести с непокорным монахом счеты. Антонию предложили «...передать имеющийся у него музей древних вещей... если не в дар, то по крайней мере на сохранение». «Сохранять» древности отводили бывший Арсенал — здание, находившееся в аварийном состоянии. От такого предложения, явно обрекавшего коллекцию на гибель, Антоний отказался. Часть вещей он увез с собой, а часть оставил на хранение кому-то из местных жителей.

Так и не стала реальностью идея создания музея в Кириллове. Что стало в дальнейшем с Антонием и его коллекцией? В 1910 году он, будучи иноком Филиппо-Ирапской пустыни, опубликовал в одном из церковных журналов описание Кирилло-Белозерского монастыря, который, несмотря на недоброту братии, запал в душу монаха-собиранья.

Даже если что-то и уцелело после закрытия Филиппо-Ирапской пустыни, то и это немногое наверняка погибло: место, где когда-то располагалась обитель, теперь — на дне Рыбинского водохранилища.

Судьба кирилловской части коллекции тоже неизвестна. Правда, уже после войны музейные экспедиции то тут, то там в различных местах, с монастырем вроде бы не связанных, находили предметы явно монастырского быта. Может быть, это и есть части той коллекции, что должна была стать основой монастырского музея — но в силу разных причин не стала ею, да так и погибла...

Галина ИВАНОВА

ТРУБИТ АНГЕЛ

Этот ангел, что на снимке, трубит с Казанской башни монастыря. О чём? Давно ли?

Такой флюгер упоминается уже в начале XIX в. По традиции их издавна устанавливали на главных проезжих башнях крепостей. Но вначале этот ангел был установлен на Косой башне, через которую прежде проходила дорога на Белозерск. Перенесли дорогу — и ангел перелетел...

Эта фигура — напоминание о Страшном суде, времени, когда ангелы, трубя, созовут души умерших и определится судьба каждой с учетом дел, совершенных при земной жизни.

Конечно, за долгие годы флюгер обветшал. Некоторое время тому назад реставраторы изготовили точную копию прежней фигуры и установили на прежнее место. Размером этот ангел, кстати, почти с человека.

Илья СМЕРНОВ

Фото А. ПОГОДИНА

И МУЗЕЙ ЖИВЕТ!..

Беседа с директором Кирилло-Белозерского историко-архитектурного художественного музея-заповедника Галиной Олеговной ИВАНОВОЙ

— Галина Олеговна, нынешним летом ваш музей будет отмечать 70 лет. Собирается научная конференция «Культура Белозерья», она будет, уверен, большим событием в науке. Но — я не об этом. Почему — семьдесят? Ведь монастырю скоро будет шестьсот, а музей только в 1924 году образовался... А раньше-то — что же? В этом номере журнала помещен ваш небольшой очерк об иеромонахе Антонии; он, наверное, и мог бы считаться основателем здешнего музея, как вы думаете?

— Пожалуй, Антонию не повезло. Если бы он попал в здешний монастырь чуть раньше, когда игуменом был о. Иаков (Поспелов), — думаю, музей был бы создан. Может быть, он был бы не в стенах монастыря, а где-нибудь в городе — но он наверняка был бы. Потому что и о. Иаков, и о. Антоний прекрасно понимали необходимость изучения памятников прошлого, их сбора — и сохранности.

— Получается, что музей не создан был случайно, из-за того, что два человека не встретились вовремя...

— Случайно он оказался не созданным, это да; но вот в том, что его все равно создали бы, сомнений нет. К тому времени интерес к прошлому, к собирательству устойчиво рос.

Были и древлехранилища, и церковно-археологический музей в Новгороде организовали в 1913 году. Возрастало и убеждение, что музей в Кириллове необходим.

— И он все-таки появился — когда?

— Только в 1924 году, с закрытием здесь монастыря. Но идея, повторюсь, витала в воздухе. С 1919 года в монастыре проводились реставрационные работы, начали формироваться коллекции, составившие начало нынешнего музейного собрания предметов народного искусства, предметов быта.

— То есть, Галина Олеговна, музей с самого своего начала задумывался не только как хранилище предметов, оставшихся в монастыре, но как более широкое собрание?

— Тогда были, я считаю, сформированы принципы будущего музея, определен его профиль. Музей виделся тогдашним его основателям (среди которых можно отметить таких энтузиастов, как братья Бриллиантовы) как историко-архитектурно-художественный — и это, я считаю, было совершенно правильно.

— Ведь сейчас-то статус музея именно таков...

— Да, и если бы движение по этому пути не было насильственно прервано, мы давно решили бы многие проблемы.

Идеологическое давление, которому подвергалось музейное дело начиная с тридцатых годов, нанесло всем музеям большой вред — а такому, как наш, просто огромный.

— Так как же тогда, Галина Олеговна, он все-таки выжил? Как не сровняли с землей эти стены, ведь их вполне можно было посчитать пропагандой «опиума для народа» — строили-то монахи, с Божьим именем на устах...

— Ну, строили, положим, не только монахи, одним насельникам монастыря ни за что бы с таким объемом не справиться — но это другой разговор. А как выжили... Понимаете, музей — учреждение консервативное, в нем всегда была сильна инерция. Вот так, по инерции, вели реставрационные работы. Те идеи, сформировавшиеся в годы двадцатые, во времена подлинно музейной жизни, и вроде бы отринутые напрочь уже в тридцатые — они потихоньку, по инерции, все-таки жили. Именно в те годы, когда экспозиция отдела «Роль церкви и религии в период социалистического строительства» формировалась под строгим контролем райкома партии, велись и работы, позволившие физически сохранить монастырские постройки.

— Наверное, это не только в силу инерции, но потому, что здесь работа-

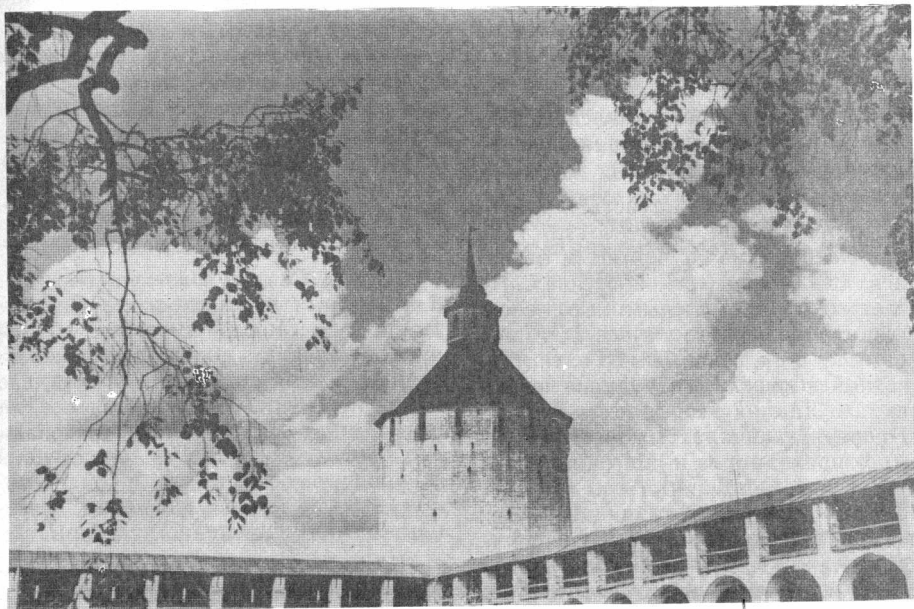
ли люди, понимающие истинное значение — и монастыря, и того, что их заставляли делать...

— Конечно, были такие люди. Думаю, истинное значение того, что сделали музейщики в те далекие годы, мы еще не осознали, только еще начинаем осознать. Это — предмет наших будущих изысканий.

Вот архитектор - реставратор В. В. Данилов. Много говорили о недостатках в его работе — там недоделал, тут не закончил...

Но только теперь мы понимаем, как мудр был Владимир Владимирович: он делал то, на что только и хватало сил в те времена: латал дыры и не давал разрушаться, выводил постройки из состояния руин или их консервировал.

— А кого, кроме В. В. Данилова, хотелось бы вспомнить?

— Первым директором музея, пусть и недолго, был А. А. Холмовский. Он ставил на учет коллекции, занимался выявлением ценных предметов из имущества церкви, монастырей, усадеб.

В 1929 году директором стала Е. В. Дьяконова — искусствовед по образованию. Именно при ней были заложены основы экспозиционной, научной и фондовой работы. Мало того: это она спасала от разрушения многое — например, стенки, огораживающие аллею, что ведет от Святых ворот. Хотели при ней разломать Уксусные кельи (в то время там уже прачечная находилась) — тоже удалось отстоять.

Е. В. Дьяконова, к несчастью, тяжело заболела и в 1932 г. вынуждена была оставить работу. Но благодарную память она, бесспорно, заслужила.

А как не вспомнить Ольгу Петровну Бояр! Она работала директором в конце тридцатых — начале сороковых, время страшного идеологического давления.

— Вот мы говорим: давление, давление... А в чем оно выражалось — можно конкретно сказать?

— Пример — пожалуйста. В районной кирилловской газете в 1937 году появилась статья со скромным названием «За монастырской стеной». Но содержание было боевым: автор сообщал, что руководство музея формально отнеслось к оформлению антирелигиозной выставки, сотрудники не читают лекции по теме. И вот — вывод: «Проверить аппарат музея, очистить его от проходимцев и врагов народа». О. П. Бояр сняли с работы, дело на нее передали в суд. Сотрудник музея И. Ф. Фрайберг был репрессирован.

Основным проступком Ольги Петровны и ее помощников было то, что

она не занималась пропагандистской деятельностью, а «сосредоточила основное внимание на памятники».

— То есть занимались тем, чем и должен, по идее, заниматься директор такого музея...

— Но это сейчас мы может сказать так. А в то время... Откажись она делать выставки об успехах колхозного движения, которые ее делать регулярно обязывали?.. Так что об этих людях мы еще должны многое сказать, и в первую очередь — благодарность.

После войны, пожалуй, до 1955 года и говорить не о чем. Насильственная идеологизация музейной работы изуродовала сознание целого поколения музейщиков. Кто разбирался в музейном деле, пытался сохранить монастырь для потомков, — эти люди ушли. А пришли те, кто полагал, будто выставки о достижениях колхозного движения, — это и есть главное дело музейщика.

— Вы упомянули 1955 год — а чем он знаменит?

— В декабре этого года министерство культуры РСФСР приняло решение об изменении профиля музея и он стал называться историко-художественным.

— И все сразу расцвело...

— Если бы. Профиль изменили — а люди-то остались теми же. Рассказывали, тогдашний директор музея чуть не плакал: «Приказали художественный музей создавать. А из чего же я это делать буду?» Был создан отдел искусства, и комплектовали его — не поверите! — современной живописью. То есть тогдашней... Причем даже не музей это делал, а министерство, управление культуры.

— Можно представить, какие полотна они там накомплектовали...

— Да что полотна — нам еще и скульптуру привозили. Гипсовую... Мы недавно передали областной картинной галерее, и знаете — без всякого сожаления.

А в это время в запасниках такие шедевры пылились...

Все это, может, было бы не так печально, если бы следствием неумения оценить имеющееся в собственных фондах не стал бы вывоз наших ценностей в другие музеи.

— Это все, кажется, еще в тридцатые вывезли?

— Да нет, это вывозили и в двадцатые, и в тридцатые, и вплоть до шестидесятых. Вывезли рукописи — в Ленинград, Публичную библиотеку им. Салтыкова-Шедрина. Вывезли шитье — в Третьяковскую галерею, Русский музей. Вывезли много икон, которые и в Кремле хранятся, и в музее Андрея Рублева...

— Но ведь вывозили, чтобы спасти...

— Говорили именно так: у вас-де все пропадет. А почему же не пропали у нас иконы XV века? Одна из ценнейших в мире коллекций древнерусской живописи осталась же...

— И все-таки, наверное, изменения к лучшему у вас произошли какие-то?

— Появились в штате музея искусствоведы, начали мы иконами потихоньку заниматься — реставрацией, описанием. Но это шло постепенно, а всерьез изменения начались в 1968 году — когда повысили статус музея и создали на его базе музей-заповедник. Стали мы больше привлекать ученых для реставрации, описания экспонатов... Начали формировать коллекцию «Народное искусство Белозерья» — ведь музей жив, только пока он занимается комплектованием!

— Значит, собираете народное искусство — а разве оно еще осталось?

— Многое утрачено, но мы — успели. У нас большое собрание керамики, и научную работу ведем — изучаем, систематизируем, анализируем.

Ну, а самое молодое собрание наше — это археологическая коллекция.

— Вы ее только что собрали?

— Начали вести здесь раскопки еще в двадцатые, только у нас ничего не оставалось: все увозили в Москву, Ленинград... И примерно до семидесятых годов положение было такое: древняя история Белозерья изучалась и показывалась где угодно, только не здесь.

Мы теперь сотрудничаем с работающей в наших местах археологической экспедицией Академии наук, и они нам очень помогают. К 1997 году планируем показать археологическую выставку. Уникальные будут экспонаты.

Есть у нас и еще одна новая коллекция — коллекция копий. Иконы, фрески...

— Интересно, а это — зачем? Я понимаю — И. Д. Цветаев в своем музее хотел копии античной скульптуры показывать, так ведь это потому, что в России подлинников нет. А в Кириллове — зачем копии древних икон?

— Не надо повторять старых ошибок! Нам достались крохи — скажем, живопись Дионисия мы можем увидеть только в одном соборе, а он ведь их много расписывал... Так нужно все делать, чтоб хотя эти крохи сохранить!

Пусть оригинал хранится в особых условиях, а для постоянного показа — копии. Мы советовались и со многими специалистами, и большинство разделяют нашу точку зрения.

Патриарх, кстати, в позапрошлом году приезжал, был у нас, я ему показывала иконостас Успенского собора, рассказала о копиях. Протеста с его стороны не было.

Я считаю, что, если копия сделана в традициях оригинала, на таких же материалах, — ничего страшного в этом нет.

— Галина Олеговна, вот вы копии делаете — значит, изучение древнерусской живописи в собрании музея уже закончено?

— По научным правилам законченной работа может считаться, если каталог издан. Полный, с научным описанием всех предметов — как полагается. Рукописи каталогов готовы, денег нет. Дело это очень дорогое; издавать надо, чтобы было все на уров-

не. И ведь такое издание никогда не окупится — это для специалистов, а не для широкой публики...

— Ну, хорошо, каталоги не окупят себя; но ведь другие-то издания могут окупить — и себя, и каталоги?

— Планы издательские у нас большие, но... Все в деньги упирается.

— А я полагал — праздник, юбилей, деньги к вам рекой текут...

— Не скажу, что вообще их не выделяют. Но — сами знаете, какая сейчас обстановка. Нестабильность — она и на нас, конечно же, сказывается. То банк задержит, то из города в город деньги по полгода идут... Но пусть и медленно, да шли бы только!

— Ну, а сам музей — он может на

свое содержание зарабатывать? Издательской деятельностью, обслуживанием туристов, еще как-то...

— По-моему, музей не только не может, но и не должен быть прибыльным! Ни в коем случае! Потому что — если и завести какую-то успешную коммерческую деятельность, то, мне кажется, она не даст музею быть научным учреждением, настоящим музеем. Кто платит — тот музыку заказывает; и вся работа тогда будет построена не на том, чтобы охранять, собирать и изучать, а чтобы деньги зарабатывать.

Насколько я знаю, во всем мире так.

Музей — это общее богатство, и общество должно его содержать.

— Кстати, Галина Олеговна, сколько нужно человек, чтобы такой музей-еще содержать? Наверное, несколько сот...

— 58. Да-да, всего 58.

— А как же справляются-то?

— Вот так и справляются. Тут тебе и технические, и научные... На весь музей по штату — шесть дворников. Да и тех попробуй найди, если платить им я могу только по второму разряду. Вот снег сходит, завтра всем музеем — лопаты в руки и пойдем расчищать территорию, с крыш сбрасывать, от стен откидывать... А как иначе?

— Кто же у вас, Галина Олеговна, работает тогда?

— Работают те, кто сроднился с музеем, кто без него себе жизни не представляет. У нас работают в основном местные, кирилловские специалисты. А кое-кто — так чуть не младенцем начинал.

— Как это?

— Ну, не младенцем, конечно...

Мы раньше, когда летом большой наплыв посетителей был, приглашали ребят зрителями поработать месяц-другой. Взрослые не шли: огороды, да и зарплата невелика, а ребята работали охотно. Вот из этих ребят кое-кто у нас прижился.

Куда же такому вот человеку — из музея? Если он здесь вырос, здесь сформировался, здесь все для него родное. И он для этих стен — родной...

— Да, люди у вас работают удивительные. Я сегодня был в фондах, мы с Л. Л. Петровой искали негатив одного экспоната. Так женщина одна, пожилая такая, едва узнав название, тут же нам сказала инвентарный номер. «Это — говорит, — Петухов снимал». И год сказала, когда это было. Я забыл через полчаса не то что номер — год, а она столько лет помнит — и ведь каждый экспонат так!

— Это, наверное, Римма Алексеевна Утышева. Она двадцать пять лет хранителем фондов была, долгое время одна работала. Вышла было на пенсию, дома посидела — и все-таки вернулась на работу.

— Удивительный человек! Но, скажите, Галина Олеговна, уйдут ровесники Риммы Алексеевны — да уже, наверное, ушли; уйдут те, кто когда-то четырнадцатилетним подростком начинал — кто придет? Ведь сейчас на лето ребята, думаю, не требуются?..

— Не требуются, это точно. Вы знаете, мы в последние годы принимали до трехсот тысяч туристов, причем разрыв сезонный сглаживался, уже был поток почти ровный. Народ нас знал, к нам шел...

— А сейчас?

— В прошлом году было 50 тысяч туристов, восемьдесят процентов —

иностранцы. Конечно, иностранцы для нас выгоднее, но... Душа болит, что не едут свои.

Особенно обидно, что детей мы практически отсекаем от музея.

— А почему народ не идет? Билеты дорогие?

— Да что вы! Билет сейчас стоит восемьсот рублей. Иностранцам продаем по 3 тысячи. Нам, правда, кажется, что это немало, но — посудите сами, меньше двух долларов, разве это цена?

А не идут к нам потому, что транспорт дорог. Добраться — вот проблема.

— Может быть, Галина Олеговна, этот номер нашего журнала, посвященный святыням Белозерья, каким-то образом поможет?

— Вы хотите сказать, что он — заменит посещение музея?

— Конечно, нет: этого ничем не заменишь! Просто — пусть люди по-

больше узнают о тех богатствах, что хранятся у вас; побольше узнают красотах и святынях здешних мест. Узнают — и, может быть, захотят приехать. Да, это трудно, и надеяться почти невозможно; но — почему же нет? Журнал наш скромн, вовсе не роскошен; но ведь делался он — с любовью, старанием... Я-то знаю, сколько желания в него вложено — желания донести до читателей хоть толику представления о богатстве и красоте нашего края. Как хотели авторы (большинство их — сотрудники музея-заповедника) передать читателям свое восхищение, свою любовь и преданность. И если хоть несколько человек, побольше узнав о вашем музее, все-таки решатся приехать — уже хорошо...

— Будем надеяться.

Беседу вел
Андрей САЛЬНИКОВ

СКАЗАНИЕ

**о древнем Ферапонтове
Богородице-Рождественском монастыре,
бывшем в упразднении более 100 лет,
ныне в 1904 г. вновь восстановленном**

Ферапонтов Богородице-Рождественский Мартинианов монастырь расположен в 17-ти верстах от гор. Кириллова Новгородской губернии, на земле, принадлежавшей в конце XIV века к вотчине князя Андрея Дмитриевича Можайского, каковую землю князь и подарил монастырю. Вообще, этот монастырь с самого начала своего существования состоял под особым покровительством князей и царей русских, особенно в то время, когда в нем поселился в заточении патриарх Никон. Он расположен на большом Архангельском тракте, мимо самой ограды его проходит большая дорога от Кириллова, так что и по ныне служит пунктом отдохновения и благоговейного поклонения здесь почивающим преподобным для всех паломников, во множестве идущих в Соловецкую обитель, особенно весною.

Основатель его пр. Ферапонт (в мире Феодор) из боярской семьи Поскочиных, города Волоколамска, в юности принял пострижение в Московском Симоновом монастыре, одновременно с преп. Кириллом Белозерским, которому он был сверстником по летам. Когда однажды пр. Кирилл, стоя ночью на молитве пред иконою Божией Матери, услышал от Нея чудесный глас, повелевавший ему идти для новых подвигов на Белоозеро, то он пригласил себе в спутники преп. Ферапонта, которому раньше случалось бы-

вать в Белозерских краях. Придя на Белоозеро вместе, св. путники и поселились сначала вместе на берегу Сиверского озера, где стоит теперь известный Кирилло-Белозерский монастырь. Немного времени спустя, преп. Ферапонт для полнейшего безмолвия удалился отсюда на 17 верст к северо-востоку и основал обитель на живописном месте, среди двух озер Паского и Бородавского, которая и названа его именем «Ферапонтова». Так как земля, на которой он поселился, принадлежала, как уже сказано, князю Андрею Можайскому, то преп. Ферапонт и стал известен князю и пользовался его уважением и милостями для своего монастыря. Это обстоятельство было причиною того, что преп. Ферапонту не пришлось до конца пребыть в устроенной им обители и сложить в ней свои священные останки. Князь Андрей Можайский задумал основать монастырь в гор. Можайске, для чего и вызвал преп. Ферапонта, который, повинаясь его воле, устроил монастырь на указанном месте и, так как князь не отпустил его обратно, оставался там до самой кончины, последовавшей 27 мая 1426 года. Там и доныне почивают его мощи.

Устройство основанной им на Белоозере обители довершено преп. Мартинианом (в мире Михаил). Он был родом Вологодской губ., Сямской волости, села Березники в 50-ти верстах от Ферапонтова монастыря. Еще в детском возрасте пришел он к преп. Кириллу, который с любовью принял его, обучал грамоте и письму, затем постриг в монашество еще в юном возрасте, прозревая в нем в будущем великое светило монашества, вообще, имея его своим любимым и ближайшим учеником. По смерти своего преподобного наставника (в 1427 г.) преп. Мартиниан, ища большего безмолвия, удалился из общежительной Кирилловской обители на пустынный остров на озере Воже (иначе — Чарондское), где впоследствии тоже основал обитель Преображения Господня. Когда же через несколько лет он снова навестил Кирилловскую обитель, чтобы поклониться гробу преп. своего учителя, то ферапонтовские иноки, уже лишившиеся своего отца и наставника Ферапонта, отозванного князем, умоляли преп. Мартиниана остаться у них игуменом. Преклоненный их слезными молениями, он исполнил их желание и остался в Ферапонтовом монастыре, которым и управлял

СВЯТЫЙ ПРП

МАРТИНИАНЪ
БЕЛОЗЕРСКІЙ

ПАП ФЕРАПОНТЪ

МОЖАЙСКІЙ

мудро и привлёк внимание даже великих князей, правивших в то время Русью. В течение 12-летнего игуменства его Ферапонтов монастырь был посещен князем Василием Темным, который заехал на благословение к преп. Мартиниану, отправляясь в поход. Когда же он возвратился и занял свой московский престол, то вызвал к себе преп. Мартиниана и сделал его игуменом Троицко-Сергиевской лавры. После преп. Сергия это был уже шестой игумен по времени. Пробыв в Троицкой обители 8 лет, несмотря на заслуженные им всеобщие уважение и любовь, он, однако, тяготился своим положением и всегда стремился в свой любимый Ферапонтов монастырь, куда и испросил себе увольнение от великого князя. Прибыв туда, преп. Мартиниан прожил там еще более 20-ти лет в непрерывных трудах и заботах об устройстве монастыря. Он скончался 12-го января 1483 года в глубокой старости, пробыв в иночестве около 70-ти лет. Мощи его почивают под спудом в церкви его имени в Ферапонтовом монастыре. От них, как от целебного ис-

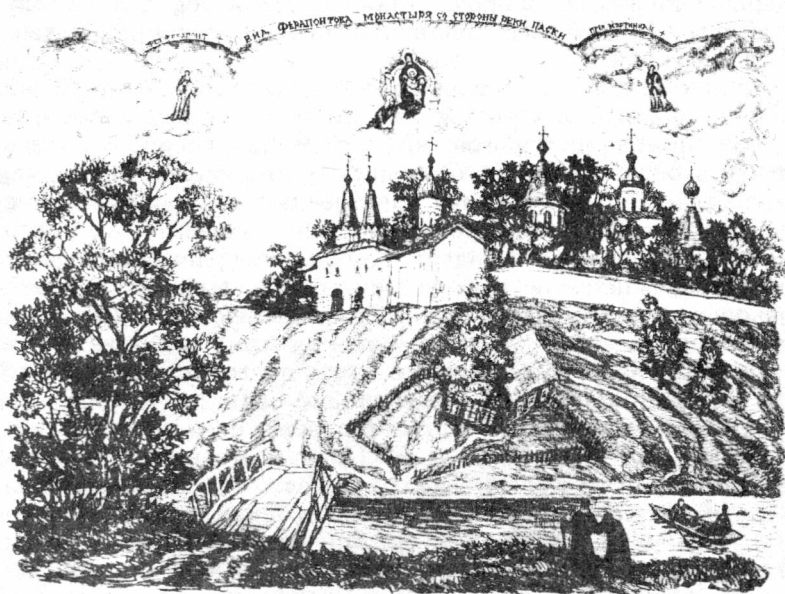
точника, исходятся множество чудесных исцелений, часть которых описана в приложении к житию преподобного Мартиниана, в рукописях XVI и XVII вв. (см. книгу И. Бриллиантова «Ферапонтов Белозерский монастырь»).

Находясь в близком соседстве с знаменитой Кирилловской обителью, Ферапонтов монастырь был известен древним русским князьям и государям, которые нередко посылали ему вклады и пожертвования, давали льготные грамоты, а иногда сами приезжали сюда на богомолье. Так, кроме Вас. Вас. Темного Ферапонтов посещали: кн. Василий Иванович, отец Грозного, и сам царь Иван Васильевич Грозный, который был в Ферапонтове два раза, в 1545 и 1553 годах, и посылал сюда на помин души «опальных убиенных» щедрые милостыни, доходившиеся до 2000 р. на тогдашние деньги.

В смутное время Ферапонтов монастырь был опустошен шайкою казаков и литовцев, которые после неудачной осады Кирилловской обители занялись грабежом ее окрестностей.

Во второй половине XVII века Ферапонтову монастырю суждено было сделаться местом заточения низложенного патр. Никона. Никон пробыл в Ферапонтове 10 лет в заточении, суровость которого то ослабевала, то, по наветам врагов, снова усиливалась. В 1676 году по смерти царя Алексея Михайловича врагам Никона удалось настоять на переводе его в Кириллов монастырь, где престарелый и больной патриарх провел последние пять лет своей жизни в тяжком заключении. Он был освобожден оттуда по настоянию молодого царя Феодора Алексеевича, который был его крестником, но на дороге в свой любимый Воскресенский (Ново-Иерусалимский) монастырь умер на Волге, близ Ярославля, 17-го августа 1681 г.

Со смертью патр. Никона внимание царственных особ к Ферапонтову монастырю ослабело и он, предоставленный собственным силам, не мог поддерживать всех церквей и монастырских зданий, уже и в то время требовавших ремонта. Пришлось прибегнуть к сборам частных и мелких подаяний, каковых, конечно, недостаточно было к удовлетворению всех монастырских нужд и содержанию немалого числа братии. При усиленных трудах, среди лишений и нужд монастырь едва мог просуществовать на этих условиях лишь с небольшим сто лет; и, наконец, в 1798 году

ровно после 400-летнего своего существования (с 1398 г.) — упразднен и обращен в приход, к которому перешли все чудные старинные храмы его; а монашествующая братия переведена в Пензенский Преображенский монастырь.

Невдалеке от монастыря на Бородавском озере виден так называемый «каменный островок», сооруженный собственноручно патр. Никоном, который своими руками собирал на берегах камни и подвозил их на лодке к намеченному месту. На этом островке патриарх, всегда заявлявший открыто о неправильности и незаконности своего низложения, водрузил крест со следующей надписью: «Сей животворящий Крест Христов поставил смиренный Никон, Божиею милостью патриарх, будучи в заточении за слово Божие и за св. церковь на Белоозере в Ферапонтове монастыре — в тюрьме».

К югу от Ферапонтова монастыря возвышается гора Цыпина, у подножия которой стоит древняя монастырская

церковь во имя св. пророка Илии. На самой горе в 1882 году крестьянами построена каменная часовня, в память Царя-Освободителя.

Живописное местоположение Ферапонтовой обители, на горе, у подножия которой, отделяемые от ограды ее лишь одной проездной дорогой, красуются два озера, сливаясь почти в одно, древность обители, ее историческое значение, милостивое внимание к ней царственных особ, оказываемое ей в течение 3-х веков от времен князя Андрея Можайского и до кончины царя Феодора Алексеевича, наконец, неразрывно связанная с нею история патр. Никона, все это невольно привлекает внимание посетителей, не только случайно проходящих или проезжающих мимо, но привлекает их и издалека, чтобы взглянуть на эту достопримечательную, хотя в настоящее время уже крайне обветшалую обитель.

Известный писатель А. Н. Муравьев, посетивший Ферапонтов монастырь в 50-х годах XIX века, отзывался о нем такими словами: «Так величава наружность Ферапонтовой обители и так живописно ее местоположение, что нельзя не пожалеть о ее запустении, потому что место сие как бы нарочно создано для монастыря преимущественно пред многими другими».

И вот в конце 1903 года Св. Синод указом от 12-го декабря за № 11258 положил «восстановить древний упраздненный мужской Ферапонтов монастырь — обратив его в женский и дело восстановления поручить Леушинского монастыря игумении Таисии». В указе были выяснены и все подробности приема приходской церкви с ее имуществом. Все было исполнено согласно предписанию, и уже 2-го января 1904 года состоялась приемка церковью Ферапонтова прихода вновь восстановленным монастырем того же имени. Вскоре приехали и сестры Леушинской обители в Ферапонтово для введения там монастырского пения при богослужении согласно с правилами и уставами иноческой жизни и для начала монастырского хозяйства.

Негде было приютиться этим пришельцам — первым сестрам Ферапонтова монастыря! Не было ни одного помещения, пригодного для жительства! Теснота и крайние лишения всякого рода встречали их на каждом шагу. Единственный, стоявший еще каменный корпус, называемый «сушилом»

(потому что прежде в верхнем этаже его рыбаки сушили свои сети), наружно хотя и похожий на дом, потому что к бывшему 500-летию юбилею кое-как промазали и загладили его наружные продольные глубокие трещины, внутри представлял собою лишь груды развалин от упавших внутренних стен и совсем рухнувшего внутрь верхнего этажа — к нему и подойти страшно, рискуя быть придавленным. В таком виде находится он и по сей час.

С левой стороны тоже полуразрушившихся св. ворот имеется малая деревянная изба, состоящая из 2-х половин — в одной помещался сторож, другая служила местом отдохновения прихожан в ожидании богослужения. В этой-то избе на первое время и приютилось 20 человек леушинских сестер. В великой тесноте и во всесторонних лишениях пришлось им прокоротать всю половину зимы. У них не было даже ведра для воды, ни самой необходимой хозяйственной вещи, все приходилось или просить, или покупать, так что на долю Леушинского монастыря выпало не только помогать первой организации Ферапонтовой обители, но и оказывать ей материальную помощь. В таком же стесненном и скудном положении, пребывают они и по настоящее время, пока еще строится деревянный на каменном фундаменте 2-этажный дом. В этой убогой сторожке при сильной скученности застал их и высокопреосвященный Гурий, прибывший туда для служения 30-го мая и для открытия возобновляемого монастыря, что и совершилось весьма торжественно при громадном стечении народа.

Речь свою, обращенную к народу в церкви, Владыка начал словами: «Место сие свято и Богом намечено для селения иноческаго! — Печать разрушения, наложенная временем, несильна была остановить дела Божии; и вот после векового упразднения монастыря, он снова возникает и может быть, с новой славой воссияет в здешней окрестности» <...>

Составлено игуменьей Таисией. Печатается в сокращении

ИГУМЕНЬЯ ТАИСИЯ И ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ

Нередко память пытается сыграть с нами злую шутку: в сознании ясны дела давно минувшие, а случившееся сравнительно недавно ступсывается и куда-то исчезает. Нечто подобное происходит с нашей историей на закате XX века. Возьмите любую книжку о кирилловской земле: весьма живо и с массой подробностей описываются события первых веков существования местных монастырей, но какова их поздняя история, что происходит с ними в конце прошлого — начале нашего столетия?

Несомненно, что наряду с пышно отмеченным в 1897 году пятисотлетием Кирилло-Белозерского монастыря, ярчайшим явлением в жизни белозерских обителей стало возобновление в 1904 году монастырской жизни в Ферапонтове. Узнать подробности второго открытия обители сейчас сложно — современники оставили лишь сухие констатации и пересказ официальных распоряжений Святейшего Синода, из которых исследователи заключили, что причиной восстановления монастыря стала личная инициатива настоятельницы Иоанно-Предтеченского первоклассного монастыря игуменьи Таисии. Сквозь пелену традиции авторы не смогли увидеть, что монахиня, даже столь активная, как матушка Таисия, не могла руководствоваться своими желаниями: любое деяние в монастыре есть послушание, наложенное свыше.

Что мы знаем об игуменье Леушинского монастыря? Могла ли она без благословения взять на себя тяжкий труд возрождения обители?

Толчком к поиску материалов о Таисии и участниках восстановления Ферапонтова монастыря стало письмо

игуменьи к Ивану Ивановичу Бриллиантову, автору знаменитого очерка об этой обители. В нем известные факты приобрели новое освещение.

«...Весьма признательна Вам за присланный мне экземпляр «Описания Ферапонтовой пустыни», этот Ваш многополезный и священный труд. Прочтение его произвело на меня то впечатление, что во мне возгорелось сильное желание возобновить эту старинную Св. обитель, превратив ее, конечно, в женскую. Не почтите, Добрейший Иван Иванович, эти слова мои пустыми, как говорится, для прикрасы сказанными, думаю, Вы знаете, что я не из таких, говорю Вам серьезно, что я даже задумывалась — как бы осуществить эту мысль. Одно только, что решительно обезоруживало меня, то это сознание, что неудобно же мне самой навязываться на такие дела, если бы хоть малейший намек со стороны Архиепископа — я бы не отказалась...».

Мария Васильевна Солопова, таково мирское имя матушки Таисии, родилась в Петербурге в 1840 году, став первой дочерью в семье, происходившей из древних дворянских фамилий: отец — потомственный дворянин, помещик Боровицкого уезда Новгородской губернии, а мать — москвичка из рода Пушкиных. Воспитанием девочки занималась мать. Мария не могла представить себя вне домашнего тепла, вдали от матери. Но наступил день, когда ее отвезли в Павловский институт в Санкт-Петербурге.

Отрыв от дома Маша переживает тяжело и даже заболевает так, что пришлось взять ее на некоторое время из института: девочка ослепла. Дома

Отец Иоанн Кронштадтский и игуменья Таисия. Снимок начала XX в.

Машу вылечили, но зрение ее навсегда осталось ослабленным.

Но это не мешало учиться хорошо. «Господь,— пишет игуменья Таисия в автобиографии,— лишил меня внешнего зрения, в то же время просветил более мои понятия и память, которые значительно развились».

Религиозное настроение девочки укрепилось, когда ей было двенадцать лет. В это время Маше было чудное видение, указавшее ее призвание. Мария оказалась на небе в окружении святых, разговаривала с евангелистом Матфеем, видела Иисуса Христа.

Учение давалось ей легко, и потому всегда было много времени для чтения духовных книг. Постоянно перечитывала Мария Евангелие; чувствуя потребность «ежеминутного неразлучного с ним пребывания», девушка учила Евангелие наизусть.

Накануне выпуска из института Мария поделилась с матерью своим желанием постричься в монастырь.

— Ну, это мы еще увидим: а пока, если ты не хочешь раньше времени уложить меня в гроб, не повторяй мне никогда этих слов.

Что делать? Идти против матери? Резко рвать со всем, что еще недавно было так дорого? Мария готова на это. Но по-христиански ли будет противиться воле родителей? Духовник советует иное: «Надо дать время. Господь своего не оставит. Он склонит сердце матери дать свое благословение, а пока, помимо благословения, нельзя уйти в монастырь — иначе и Богу это не будет угодно». Через какое-то время мать дала свое благословение.

В 1874 году Мария Васильевна познакомилась с отцом Иоанном Сергеевым (Кронштадтским) и до конца его дней ничего в своей жизни не делала без совета батюшки.

Пострижение Мария приняла в Тихвинском Введенском монастыре и прошла в нем, а затем в Покровском Зверинском и Званском монастырях послушание учительницы для городских детей, регентши, письмоводительницы и казначеи. В 1881 году митрополит Исидор утвердил ее начальницею Леушинского монастыря близ Череповца.

Принятый монастырь состоял из двух небольших деревянных церквей и двух-трех убогих домишек, где в крайней бедности жило 20—30 сестер. Тридцать четыре года напряженной деятельности, унесших все силы, здоровье, превратили обитель в первоклассный монастырь с двенадцатью престолами (в Кириллове их 11) и 400 сестрами. В этот период Таисия начинает издавать свои стихи.

Прекрасно обустроенная обитель в Леушине могла бы стать единственным деянием, благодаря которому ее имя не кануло бы в Лету. Но сил и энергии матушки хватило на большее.

Леушинская настоятельница помогала Иоанну Кронштадтскому в обустройстве Воронцовского Благовещенского в Холмском уезде и Иоанновского монастыря на Карповке в Петербурге и Иоанновского на родине святителя в с. Суре Архангельской губернии. Кроме того, уже сама выступая строительницей, она основывает две новых женских обители — Парфеновский монастырь и Черноезерскую пустынь, да еще храмы Леушинского подворья в Петербурге и Череповце, и в Череповце же на железнодорожной станции церковь в память 300-летия дома Романовых.

К началу XX века идея возобновления Ферапонтова монастыря, закрытого в 1798 году, уже имела своих сторонников. Желание восстановить монастырь возникло у митрополита

Исидора (Никольского, 1799—1892). Ему принадлежала мысль возобновить обитель не мужской, а женской. Во время посещения Леушинского монастыря 15 мая 1892 года владыка рассказал игуменье Таисии о своем заветном желании и, зная ее служебную деятельность и усердие, остановил на ней свой выбор: «Вот, я тебе передал свою заветную мечту».

Но 7 сентября того же года владыки не стало. Преемник Исидора архиепископ Феогност одобрил начинание, однако, дело не продвинул. При сменившем Феогноста архиепископе Гурии было написано опубликованное письмо.

Мы не имеем документального свидетельства, но, по-видимому, было обращение к владыке со стороны И. И. Бриллиантова, после чего преосвященный поручил игуменье изложить волю почившего иерарха и свои соображения в рапорте на его имя.

«С этого,— писала позже Таисия,— началось движение по делу восстановления Ферапонтова монастыря в 1901 году в сентябре месяце. Начались справки, переписки и все формальности, без которых невозможно было дальнейшее ведение дела».

Глядя на дела игуменьи Таисии из сегодняшних будней, в первую очередь, видишь профессионализм строительницы, неразрывную связь духовной жизни с ясным и практичным подходом к любому начинанию: прежде, чем просить Синод об открытии монастыря, она ищет источники существования обители.

По упразднению в 1798 году Ферапонтова монастыря земли его за приходом не сохранялись, из угодий же приход владел только Ферапонтовским озером. Возобновительница нашла дарительницу, которая в 1903 году решила пожаловать возрождающемуся монастырю свое име-

Вид Ферапонтова монастыря. Рис. из книги «Житие преподобного отца нашего Ферапонта, Можайского и Лужнецкого чудотворца». Изд. 3-е, г. Кириллов, 1913 г.

ние в 87 десятин со всеми удобствами, а крестьяне окрестных деревень в случае восстановления обители решили пожертвовать ей находившуюся в общем пользовании землю (204 десятины). Трудно, но начальный этап был пройден. В феврале 1903 года Иоанн Кронштадский пишет: «Помоги тебе Бог с Ферапонтовым справиться».

Интересно, что о. Иоанн не только духовно окормляет Таисию и ее новое детище, но помогает и материально.

«15 января 1904 г. Дорогая матушка Таисия! Прочитал я все длинное письмо твое. Поздравляю с началом по восстановлению Ферапонтовой обители. Много придется тебе поскорбеть и потрудиться над этим делом. Но Господь поможет тебе, — и тебе, великой старице, даст силу воссоздать древнюю обитель во славу Божию. Посылаю на начало ей 300 рублей <...>»

«15 марта 1904 г. Дорогая матушка Таисия! Благодать Божия с тобою будет всегда, как она пребывает и со мною и во всем руководит нас, да озаряет, да утешает, да подкрепляет она тебя во всех делах, гонениях, огорчениях от людей и бесов, завидующих твоим преуспеяниям. Будь мужественна до конца и даст тебе венец правды, «его же уготова Бог любящим Его» и терпящим Его ради. Я здоров, будь и ты здорова, дорогая матушка, милостию Божиею. Протоиерей И. С.»

«17 августа 1904 г. <...> Посылаю тебе 500 рублей в пользу Ферапонтова монастыря. Воображаю, сколько теперь там нужды <...> Твой смиренный молитвенник протоиерей Иоанн Сергеев».

«18 августа 1904 г. Всечестная матушка игуменья Таисия! Письмо твое

с дорожкой для меня посылкою — св. Евангелием и образом препод. Ферапонта я получил с сердечною благодарностью. Сколько могу скорблю и болею твоими болезнями в некоторой мере. Молю, воздействующую благодать укрепить дух твой и немощствующее тело. Бог послал мне нечаянно доброго человека, который пожертвовал мне от своего достатка как будто для того, чтобы я помог нуждам Ферапонтова, ибо случилось это в тот самый час, когда я, глядя на икону преп. Ферапонта, думал о его древней обители, в которой просияло уже столько подвижников, из коих некоторые уже видимо увенчались в нетлении вечной славы. Вот этот дар я и посылаю для Ферапонтова на твое имя <...>».

«31 октября 1905 г. <...> На твое имя я послал письмо с тремястами рублей в Ферапонтов монастырь <...>»

В январе 1904 года церкви Ферапонтова монастыря, здания и подвижность приняты женским монастырем. В конце этого месяца стали пребывать первые группы сестер Леушинского монастыря. О тяжестях их жизни в первое время говорится в составленном игуменье «Сказании о древнем Ферапонтове Богородице-Рождественском монастыре». Вызывает восхищение сделанное ими уже в первый год. «Ферапонтовская приходская церковь принята для восстановления монастырем после столетнего упразднения 3—10 января 1904 года, за каковой произведено следующее:

1. Прежде всего было приступлено к очистке нижнего этажа под Благовещенскую церковь от накопившегося в нем мусора, коего и удалено 148 возов, так что помещение сделано снова годным, если не для жилья, по причине сырости, то для хозяйственных хранилищ.

2. Малая сторожка, в коей помещался сторож, отчасти отремонтирована, так как только там и было возможно поселиться первым инокиням, пришедшим из Леушинского монастыря для первоначального устройства обители.

3. В августе окончен вновь выстроенный корпус, деревянный на каменном фундаменте 2-этажный, крытый железом в 12×7 сажень, имеющий 24 келии.

4. Для возведения необходимых построек куплено 9 лесных делянок, из коих вывезено до 2000 штук строевых бревен разного достоинства.

5. Приобретено 87 десятин земли.

6. Приобретено в городе Кириллове подворье, состоящее из 25×12 1/2 сажень планового места с домом деревянным и таковыми же хозяйственными постройками.

7. Приобретено 4 лошади и 6 коров.

8. Для ризницы приобретено: новая шитая золотом плащаница стоимостью 125 руб., 8 священнических облачений, 12 воздухов, 30 пелен, по 2 одежды на каждый престол и жертвенники, по две завесы в каждые Царские врата. Новое драгоценное Евангелие стоимостью 220 руб., напрестольный крест, сосуды и дарохранильница. Приобретен круг книг Четьи Минеи для чтения в трапезе. <...>

И самое главное: стены обители не пустыньны, за ними живет 62 человека!

На похоронах настоятельницы один из священников говорил: «Она так много сделала для своей обители, как Петр Великий для России». Имелась в виду обитель Леушинская; но сегодня, зная, как много сделано игуменьей Таисией, мы можем понимать слово «обитель» гораздо шире.

Михаил ШАРОМАЗОВ

ДУХОВНЫЕ СТИХИ ИГУМЕНЬИ ТАИСИИ

В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

(на берегу реки, в келье на балконе)

На берегу реки широкой,
Среди безмолвной тишины,
Сию я в келье одинокой
В полночи тихие часы.
Еще не брезжится рассветом
Передо мною небосклон,—
Ночным, таинственным приветом
Дарит природа; всюду сон,
И тишину ту нарушает
Лишь тихий плеск ленивых волн,

Когда веслом их рассекает
Рыбак, влача свой утлый челн.
Мой взор куда-то вдаль стремится,
Она покрыта мглой ночной;
И сердце просится молиться,
Легко ему в тиши святой!
О, как далека вся тревога,
Мне словно чуждым стал весь мир,
Я созерцаю в небе Бога,
Я ощущаю в сердце мир!

АВБА¹ И НИЩИЙ

В одной обители был Авба,
Подвижник дивный и святой;
О нем гремела всюду слава.
Для всех он был — отец родной!
Он «братию» любил вседушно,
Для них он жизни не щадил;
В молитвах тайных денноночно
О том лишь Господа молил,
Чтоб никогда не разлучаться
Ему от «братий», чад своих.
И там — чтоб вместе

наслаждаться —

В Небесном Царствии Святых.
И братия его любили,
Но по стопам его не шли:
И воли старца не творили,
И о советах небрегли.

В скиту обители соседней
Игумен-старец опочил.
И помянуть отца, соседей
Тот скит с любовью пригласил.
Назначен день для погребенья:
И вот пошли с благословенья
Святаго Аввы братья в скит.
И старец шел вдали от них.
Вот на пути страдалец — нищий,
Расслабленный, полунагой
Лежал, весь язвами покрытый;
Увидев братию, с мольбой
Сказал: «Отцы, приподнимите
Меня, лежащего в грязи,
И до скита лишь донесите,
Куда теперь идете вы.
И я желал бы помолиться
Усопшего там помянуть,—
Трапезой братской угоститься,
Но не могу,— мне труден путь!»
Взглянув, они все погнушались
Его смердящих, гнойных ран;
И донести все отказались.
Сказав: «Ползи, как знаешь, сам!»
А вслед за ними шел и Авба.
Вот нищий с тою же мольбой
К нему прибег: «О добрый Авба,

Хоть ты-то сжался надо мной!»
Святой отец остановился:
Хоть сам был дряхлый, немощной.
Но перед нищим он склонился
И, приподняв его рукой,
Сказал: «Влезай ко мне на плечи!
Господь велит всем помогать:
Да вот и скит уж недалече;
Нельзя же нищих презирать!»
И ношу тяжкую подъемлет
Согбенный старец на себя;
Молитвой сердца Богу внемлет,
Бессилью помощи прося.
Вдруг слышит,— ноша та легчает,
Все легче, легче, вот она
(Со страхом старец ощущает)
Уж стала вовсе не слышна.
Он оглянулся: за спиною
Не стало нищего раба;
Но видит ясно над собою
Главу Спасителя Христа.
И светом солнечным сияет
Лик полный кротости, любви,
И старцу доброму вещает:
«Блажени милостивии!
Не нищего ты нес, о старец,
Но Сам Я был в его лице! —
Я — бедняков Заимодавец,—
Кто сделал им, тот сделал Мне!
Но, старец добрый и смиренный,
Могу ль послушать Я тебя,
Хоть слышу Я твой вопль слезный,
Чтоб с братиею быть всегда
Тебе и там, в загробном мире?
Дела их жизни таковы ли,
Какими жизнь твоя полна?..
О, нет! они совсем забыли,
Что вера лишь,— без дел,— мертва!
Бог милосерд, но правосуден;
Воздаст комуждо по делам;
Ведь в Царство Божие путь труден,
Беспечных грешников нет там!»

¹ Слово «авба» значит отец; так назывались в древности настоятели обителей.

Дорогие читатели!

Надеемся, что вы прочитали этот номер с теми же чувствами, что не оставляли нас во время работы над ним: с интересом и сожалением. Интерес увеличивался, перерастал в восхищение — а одновременно росло и сожаление: об этом не успеть рассказать; и это не влезет... Как горевали мы — в который раз, но все острее! — о катастрофически малом объеме. Конечно, не пропадет ничего из того, что было подготовлено в эту, майскую книжку «Лада», но в нее не вошло; мы все напечатаем, и не только в тех номерах журнала, что будут выходить с подзаголовком «Святыни Белозерья» (редакция надеется выпустить несколько таких номеров).

Зачем это журналу для семейного чтения? Мало, недопустимо мало знаем мы о земле, на которой живем, о ее богатствах — духовных, культурных. Предки трудами и молитвами освятили наш край, и нам досталось сохранить остатки былого. А чего не знаешь — того не сохранишь. Больше того: и сам не сохранишься, если будешь жить без памяти, без святыни в душе...

Редакция «Лада»

Церковь Иоанна Предтечи, справа — беседка над местом кельи, выкопанной преподобным Кириллом

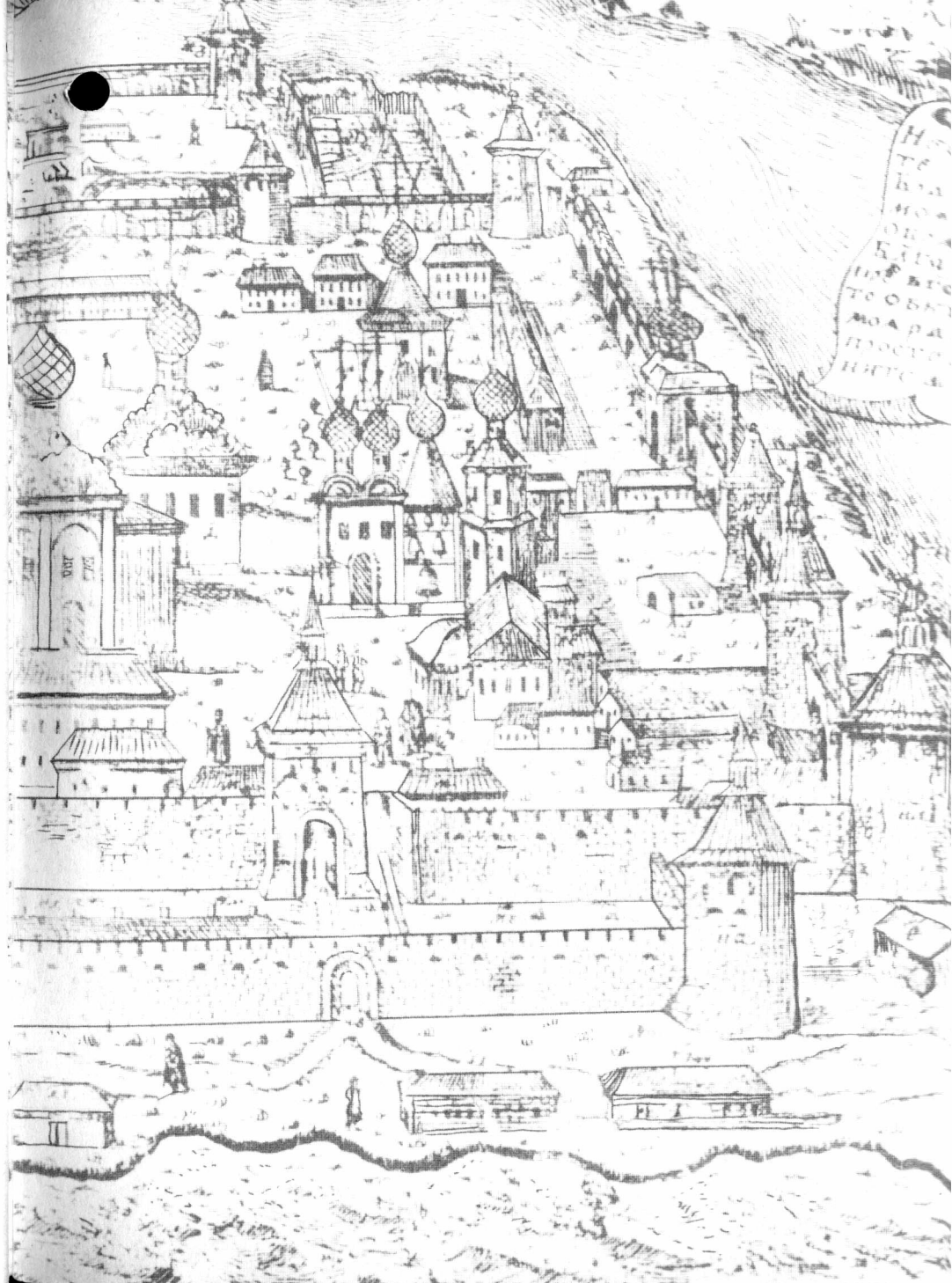

МОЛИТВА КО ПРЕПОДОБНОМУ КИРИЛЛУ

*О, Богоблаженне
и преподобне отче наш Кирилле,
пастырю добрый, иноков наставниче
и общему житию совершителю, и ныне
на небеси Святой Троице предстоай! Молим особо тя,
преподобный отче наш: помяни свое стадо, еже собрал
еси мудр, и соблюди своими молитвами Благодарованную
ти паству, яко человеколюбивый отец. Не презри и всех,
с верою приходящих к честному гробу твоему и чтущих
пречестную и многорадостную твою память: сохрани нас
и соблюди от всех видимых и невидимых враг. Прииди
посредь нас невидимо и всех нас моления Богови воссы-
лаемая прими и принеси сие ходатайственне всех Творцу
и избавителю,
иже в Святой Троице покланяемому Богу
нашему, яко да согрешением нашим
оставление получим, благодатию
и человеколюбием Господа нашего
Иисуса Христа, с Нимже Отцу слава,
со Святым Духом,
ныне и присно
и во веки
веков.
Аминь.*

Публикуется по Житию преподобного Кирилла,
составленному архимандритом Иаковом

Н
те
ма
мо
он
б
и
те
мо
ра
п
и

СВЯТЫНИ ЕВРОПЕЯ

1397-1997

